

РОСЛАВ ЖИРКОВ

CENSORED

МОЩЬ

Ярослав Жирков

Мозес

«Автор»

2017

Жирков Я. И.

Мозес / Я. И. Жирков — «Автор», 2017

Первая половина XX века, Германия. После поражения в Первой Мировой войне страна переживает кризис, как экономический, так и социальный.

Демократы, коммунисты и национал-социалисты - все считают себя патриотами, но по-своему видят будущее родины. В этом котле противоречий, когда сразу столько разных путей стоит перед выбором каждого, рождается мальчик, еще ничего не знающий об этом. Названный в честь древнееврейского пророка Мозес, волей обстоятельств, еще во младенчестве, как и его тезка в Египте, оказывается в семье тех, кто возненавидел его народ. Но сам Мозес еще не скоро узнает о своем происхождении...

© Жирков Я. И., 2017

© Автор, 2017

Часть 1

1.

Мюнхенское лето 1923 года выдалось очень жарким. Никто особенно не привык к температуре выше +25, и когда ртутный столбик достиг отметки +37, даже самый жаропрочный горожанин сетовал на причуды погоды. Рабочие, служащие, отставные солдаты и толпы безработных изнывали в лучах беспощадного солнца. От жары асфальт плавился, а редкий ветерок вздымал терпкий запах битума и смолы.

Одна из улиц была уложена старинной брусчаткой. Той самой, по которой веками стучали копытами лошади, а затем скрепя амортизаторами проезжали автомобили. Но прямо сейчас, было не проехать даже самому скромному транспорту. Здесь пахло уже не смолой, а вспотевшими, изможденными человеческими телами. Казалось, что-то пропало на невыносимой жаре источая зловонный дух. Но не успевал испортиться суп в огромных чанах – голодная очередь всё в миг опустошала. Сотни, а может и тысячи безработных часами стояли за бесплатным пайком. В руках людей была стальная миска, покрытая белой эмалью, а из нагрудного кармана торчала, сверкая металлическим блеском ложка. Все давно уяснили и взяли за правило – «Всегда имей при себе ложку. Никогда не знаешь, где и когда удасться урвать что-то съестное».

Очередь двигалась медленно, а жара доводила до кипения и без того раздраженных людей.

– Этот пуст! Ждите! – выкрикнула женщина на раздаче супа. По толпе прокатилась волна ропота и возмущения.

В мучительном ожидании вспыхивали яростные споры, часто переходящие в отчаянную драку. Причины недопонимания были разные от бытовых до политических. Жена кричала на мужа, коммунист обвинял демократа, а бродячая собака лаяла на всех без разбора. И каждый находил облегчение в том, чтобы полить грязью ближнего своего.

– Не выношу тесниться в толпе, – сказал строгого вида мужчина и погладил аккуратно подстриженную, черную как смоль бороду.

– Что ты сказал, Амрам? – спросила женщина, стоящая возле него. Он не сразу ответил, а презрительно окинул взглядом соседей по очереди и неодобрительно цыкнул.

– Сборище бездельников и бродяг, – констатировал он и повернулся к жене, – Мария, почему я, честный, трудолюбивый человек должен стоять с ними?

– Такое положение в стране, сам знаешь. Наше ателье не разорилось, если бы не... как это называется?

– Гиперинфляция.

– Точно. Амрам, я не устану повторять: ты ни в чем не виноват.

– Нет, – покачал головой он, – Каждый человек повинен в своём несчастье сам. И только он контролирует свою жизнь. Нечего сетовать на времена или страну. Надеюсь, мы стоим за супом первый и последний раз. – Жена в ответ пожала плечами.

– Прощу прощения, но, кажется, вы впадаете в крайность, – донесся голос за спиной Амрама. Он обернулся и увидел невысокого мужчину с островками седых волос на висках.

– Вы о чем? – нахмутив густые брови, спросил Амрам.

– Считать, что абсолютно всё контролируешь сам, это как думать, что всё предрешено судьбой. Просто с другого конца. А истина, понимаете ли, не в черном и не в белом, а в бесконечных оттенках серого.

– Спасибо за нравоучение, но я как-нибудь разберусь сам, – Амрам отвернулся от собеседника, но мужчина не унимался.

– Еще раз прошу прощения, но я слышал, как вы назвали присутствующих бездельниками и бродягами.

– Верно, – не оборачиваясь, ответил Амрам.

– А вы не думали, что кто-то другой, проходя мимо очереди, может так же подумать и о вас? – спросил незнакомец. Амрам не ответил.

– Я был бухгалтером в крупной фирме, а теперь стою за бесплатным супом. А прямо перед вами в очереди стоит бывший профессор технического университета. Рядом с ним герой Великой Войны. Они все тоже думали, что контролируют свою жизнь. Но иногда происходят вещи, противоречащие всем нашим планам, понимаете? Вы не поверите, но к свободе ведет лишь одна дорога: презрение к тому, что от нас не зависит. Не пытайтесь криками остановить бурю. Если она началась – то лучше бегите. А раз уж такое случается, то нечего сокрушаться: надо использовать те возможности, что есть. И согласитесь, может не такое уж здесь дурное общество?

– Может быть, – раздраженно ответил Амрам, как и всякий человек, устоявшиеся мнения которого пытаются пошатнуть.

– Мам, ну скоро уже? – девочка шести лет дернула Марию за юбку.

– Подожди, Сара, тут много желающих.

Очередь медленно тронулась. За ней двинулась семья Циммерманов во главе с Амрамом.

Получив свою первую со времен детства бесплатную еду, Амрам настороженно принялся и копошился ложкой в гуще супа. Жена и дочь наблюдали, ожидая одобрения. Наконец он решился и попробовал сомнительное блюдо. Суп оказался не так уж плох. Амрам одобрительно кивнул. Жена и дочь бросились в атаку на еду. Досыта наелся только ребенок, но взрослым оказалось мало, однако стоять в очереди еще раз семья не пожелала. Амрам вытер платком аккуратно подстриженную бороду и повел за собой семью через толпу безработных и голодных.

Жилье Циммерманов располагалось на Г*** штрассе в многоквартирном доме. На первом этаже находилась портная лавка. Еще не забыты времена, когда здесь кипела работа. Швейные машинки отстукивали ритмы и несколько мастеров упорно шили днями напролет костюмы и платья. Теперь же тут царил тишина, а последняя швейная машинка, которую еще не отдали за долги, покрылась слоем пыли. Заказов почти не было, а редкие клиенты приносили только убыток, ибо деньги обесценивались быстрее, чем их успевали заплатить.

Но не отсутствие клиентов было главной причиной бедствия семейного бизнеса. В 1922 году в процветающее ателье Амрама пришел человек и сделал долгосрочный заказ на пошив форменной одежды. Владелец портной с радостью согласился, предвкушая солидный куш. Стороны заключили договор, и работа закипела. Мебель в квартире становилась роскошнее, обеденный стол разнообразнее. Но потом страну охватила инфляция. Деньги обесценивались и Амрам потребовал от заказчика повышения оплаты за продукцию, но тот пришел с юристом. Тыкая пальцем в договор, юрист настаивал на том, что цена, прописанная в документе не может быть изменена до конца его действия. Амрам с ужасом понял, к чему это приведет.

Инфляция набирала обороты. Прибыль становилась всё меньше, а затем и вовсе ателье стало работать в убыток. Цена на ткань росла каждый день вместе с курсом доллара, а цена одежды, по условиям договора оставалась прежней. Несколько десятков комплектов проданной одежды, покрывали по стоимости материалов только один. Амрам увяз в долгах. А когда он попытался разорвать контракт, заказчик стал угрожать ему и семье. Не раз видел Амрам под окнами своей квартиры людей в форме, пошитой в его же ателье. Они просто стояли, курили и болтали, нагоняя страх и тревогу на хозяина. Работники, долго не получая зарплату, ушли. Амрам начал распродавать вещи за бесценок, чтобы хоть как-то покрыть долги. А к настоящему дню он уже месяц как не поставлял заказчику одежду. В любой момент к нему могли

прийти крепкие парни и напомнить, что договор дороже денег. Особенно сейчас, когда сумма меньше сотни миллионов марок не стоят ровным счетом ничего.

Амрам провел пальцем по швейной машинке и взглянул на собравшийся ком пыли, стряхнул его, и пошел наверх.

Прямо из ателье шла на второй этаж лестница. Она вела в просторную комнату с большим обеденным столом. Убранство квартиры не давала повода думать, что её хозяйева живут впроголодь. Напольные часы в человеческий рост, картины и сервизы напоминали о былом достатке. Теперь же от всего этого не было проку, ведь даже продать что-то было проблематично. А домашней утварью, пусть даже позолоченной, голод не утолишь.

Из спальни раздался детский плач. В зал вышла юная девушка с младенцем на руках. Она иногда приглядывала за самым младшим Циммерманом, когда всей семье надо было отлучиться. Взамен она получала очередное украшение или косметику Марии. Хоть девушка и клятвенно заявляла, что помогает не ради подарков, но, тем не менее, не отказывалась от них. Однако на днях она сообщила, что последний раз присматривает за ребенком, ибо покидает город. Мария просталась с ней как с родной дочерью и, зарывав, на миг заглушила крик младенца. Но после взяла его на руки.

Мозес – самый младший Циммерман. Ему едва исполнилось три месяца, однако всю свою короткую жизнь он болел. Родился ребенок недоношенным и выжил разве что чудом. Днём и ночью он не давал покоя матери, но не криками, как обычные дети, а тишиной. Мария с замиранием сердца подходила к кроватке малыша, всякий раз, как тот внезапно умолкал. Пока беда обходила стороной, но состояние ребенка не улучшалось. По этой же причине Мозес не был своевременно обрезан как все иудейские мальчики. Раввин, взглянув на сына Амрама отказался проводить операцию, опасаясь за жизнь ребенка. Это очень опечалило отца. Пусть его и нельзя было назвать образцовым верующим, ведь он нерегулярно посещал синагогу и не всегда соблюдал субботу, но, тем не менее, многие традиции чтит.

Амрам посмотрел на сына и тяжело вздохнул. Мозес успокоился на руках матери, и Мария скрылась с ребенком в другой комнате, чтобы покормить.

***

На другой день семья избежала участи стоять в очереди за супом. Подруги Марии по мере сил помогли ей. Одна передала моркови и лука, а другая подруга – картофель. Больше всего выручила Селма Мердер, угостившая целой банкой тушеного мяса. Мария не стала спрашивать, кошерно ли оно. Сейчас было не до таких мелочей, а мужа она убедила что это говядина. Уложив Мозеса спать Мария принялась за готовку. К делу приобщилась и Сара. Мать часто учила её тому, что умела сама, а дочь в охотку внимала ей. Сара уже умела шить и резать овощи. Она шинковала морковь огромным для её детских ручек ножом кружочек за кружочком. Когда с морковью было покончено стук ножа по разделочной доске стих, а Сара потянулась за другим овощем.

– Мама, а Мозес умрет, да? – спросила она. Нож застучал по доске.

– Что? – у Марии дрогнула рука от услышанного и вместо картофеля она порезала палец.

– Братик постоянно болеет и плачет. Дедушка Яков тоже много болел, а потом умер.

– Он был стариком, потому и умер! Дети не умирают! – сквозь стиснутые зубы прошипела Мария, бросила чистить картофель и вышла из кухни. Она понимала, что недоношенный и больной, Мозес мог не дожить и до своего первого дня рождения. Врачи предлагали дорогостоящее лечение, но теперь семье это было не по карману. Мария хотела оградить себя и близких от мысли о смерти ребенка. Но дочь постоянно задавала неудобные вопросы.

Саре было всего шесть лет, но рассуждала совсем по-взрослому. По серьезности и уравновешенности нрава она походила скорее на отца, чем на импульсивную и эмоциональную

мать. Только в отличии от Амрама её детская натура ещё не была парализована чрезмерной гордыней и раздутым самомнением. Когда надо она могла уступить, но всегда обдумывала, как это обыграть в свою пользу. И, возможно, именно ей следовало родиться мальчиком в этой семье. Амрам, не отдавая себе отчет в этом, хотел видеть сына таким, какой росла Сара. Ему не терпелось заняться воспитанием мальчика, но пока Мозес разочаровывал отца болезненностью и слабостью. Амрам всегда был очень строг к себе, и еще более строг к окружающим. Он искренне переживал и страдал от того, что совершил ошибку, заключив договор не в то время и не с теми людьми. Амрам думал, что может контролировать каждый свой шаг и действие, всё подчинять строгому плану и получать именно тот результат, который был нужен. Однако у хаоса жизни были свои планы.

***

В день, когда еда в доме заканчивалась, а очереди за супом стали еще больше в квартиру ворвался, тяжело дыша, глава семейства.

– Собирай детей и пакуй вещи! Быстро! – крикнул он Марии, жадно глотая воздух.

– Да что случилось?! – непонимающе спросила жена.

– Шанс! Времени мало. Где наши документы? – Амрам рылся в ящиках вытряхивая содержимое. От спокойствия и рассудительности мужчины не осталось и следа.

– Папа сошел с ума? – тихо спросила Сара.

– Не знаю, дорогая – она перевела взгляд на мужа, – Что происходит? – дрожащим голосом спросила Мария.

– Где они?! – закричал Амрам размахнув руками и локтем сшиб вазу. Комната залилась звоном и осколки разлетелись по полу. Все стихли, а из спальни послышался плач ребенка. Мария протянула руку к верхнему шкафчику и достала документы. Она молча вручила их мужу и пошла к Мозесу. Перешагивая через осколки, муж последовал за ней. Мария держала на руках малыша и, утешая его, успокаивалась сама.

– Прости, не знаю, что на меня нашло, – опустил глаза сказал Амрам.

– Теперь то можешь объяснить нормально? Или еще хочешь что-нибудь разбить?

– Нет. Сегодня я встретил Ноа, моего старого приятеля. Мы не виделись лет пять. Его дела тоже идут туго, но и я рассказал ему про нашу ситуацию. И тогда Ноа предложил нам спасение, взойти на свой ковчег, – Амрам лукаво улыбнулся довольный своим каламбуром и продолжил. – У него есть родственники в США. Как раз сегодня вечером он с семьей отправляется к атлантическому побережью, а оттуда в Америку. И он зовет нас с собой! – громко сказал Амрам, а Мозес недовольно засопел во сне. Отец заговорил шёпотом.

– Там мы начнем новую жизнь! В Америке много наших, – радостно заметил он. После словесной атаки Мария не знала, что и ответить. Пару минут она просто пыталась осознать услышанное, пока мозаика слов не собралась в смысл.

– Ты что?! Бросить нашу квартиру? Ателье и всех, кого мы знаем? – едва сдерживая крик возражала Мария.

– Лавка разорена. В любой день к нам может прийти с погромом люди заказчика, а друзей мы и новых найдем. И подумай о детях! Германия становится опасным местом. Незнакомцы обвиняют меня в связях с большевиками, только потому, что я еврей. Какие большевики? Я же предприниматель! Не удивлюсь, если однажды к нам заявится толпа равнодушных и разнесут весь дом! Надо бежать, пока еще есть возможность! – сказал Амрам на повышенных тонах и разбудил Мозеса. Ребенок заплакал.

– Ты говоришь глупости! Такого никогда не будет. У нас здесь много друзей, – оставшись при своём, ответила Мария.

– Но ты только представь, если это так и будет...

Жена задумалась. Мысль о том, что к ним могут ворваться недоброжелатели, разграбить дом или даже покалечить семью ужасала. С такого ракурса эмиграция казалась не такой уж безумной идеей. Мария посмотрела в больше глаза Мозеса и вздохнула, а он ответил ей непонимающим взглядом. Подумав, она согласилась.

Амрам покинул дом дабы скорее сообщить Ноа, что они едут. А также надо было уладить еще одно важное дело.

***

– Нет, Ицхак, этого мало, – посмотрев на деньги и нахмурившись сказал Амрам.

– У меня всё равно сейчас нет больше. Я дома не держу много наличности. Это ведь всё-таки доллары! – пояснил Ицхак.

– Даже не хочу знать, откуда ты их взял. Но за ателье и квартиру с мебелью это такие гроши! Понимаешь?

Конечно, – невозмутимо ответил он. – Не думаешь же ты, что я пытаюсь тебя обмануть?

– Не думаю, – натужно согласился Амрам, ибо другого выхода у него не было.

– Так бери пока то, что есть. Потом пришлешь мне свой адрес в Америке, и я сделаю денежный перевод, – с уверенностью не покупателя, но продавца сказал Ицхак.

– По рукам.

– Хорошо. Рафаил поможет нам с документами.

Амрам поставил несколько подписей в тех местах, куда указал пожилой мужчина в толстых круглых очках и с бородкой сверкающей белоснежной сединой. Пару движений стальным пером и теперь семья Циммерманов была официально бездомной. Полученная наличность должна была покрыть расходы на поездку до Америки и обустройство на новом месте. Амрам положил деньги во внутренний карман пиджака, попрощался с Ицхаком, глуховатым Рафаилом и поспешил домой.

Еще с порога своей уже бывшей квартиры Амрам почувствовал – «что, то не так». В нос ударил запах лекарств, словно он оказался в больнице. Из спальни доносился незнакомый голос. Легкими, едва слышными шагами Амрам вошел в помещение. Невысокий мужчина склонился над Мозесом и что-то делал.

– Прошу прощения! – возмущенно сказал Амрам. Мужчина вздрогнул от неожиданности и повернулся. Совсем лысый, с рыжеватой эспаньолкой и сверкающим пенсне на носу мужчина, улыбнулся тонкими как прут губами.

– Здравствуйте! Доктор Шульц, Йохан Шульц, – представился гость и протянул руку. Они поздоровались.

– Чем обязаны? – спросил Амрам.

– Мозесу стало совсем худо, – вмешалась Мария, – Это друг Селмы. Помнишь, она передала нам банку мяса?

– Добрейшая женщина! – восхищенно заметил Йохан.

– В общем, – потирая рукой плечо, начала Мария, – Мозесу необходимо продолжительное лечение, и боюсь, нам придется отложить поездку.

– Уверяю вас, не стоит волноваться! При каждодневном и правильном лечении болезнь сойдет на нет совсем скоро! – жизнерадостно сказал Йохан.

– Но мы сейчас не можем... – начал Амрам, но доктор прервал его.

– Не можете себе позволить? Не беспокойтесь, Селма за вас очень просила, так что лечение не окажется непреодолимой денежной ношей, – доктор подмигнул и защелкнул замки своего металлического чемоданчика. – Но, если затяните с лечением, осложнений не избежать, – серьезным тоном добавил доктор. – Когда решитесь загляните ко мне на Т*** штрассе, – сказал он и ловко извлек из кармана визитку. – Всего доброго!

Циммерманы попросились с Йоханом и в доме повисло невыносимое напряжение.

– Значит мы никуда не едем? – выглянув из дверного проема, спросила Сара. В ответ тишина. Уста родителей были неподвижны, но в глазах вспыхнул огонь противостояния.

– Я не оставлю его! – сорвалась Мария сотрясая глухую тишину. Она уже поняла, что замыслил муж.

– Здесь нам больше нечего делать, – тихо сказал Амрам. – Но Мозес не переживет путешествие.

– Значит не будет никакого путешествия! – воскликнула Мария и топнула ногой. – Я остаюсь здесь, в своём доме, с детьми, а ты езжай куда хочешь!

Амрам смиренно выслушал супругу, затем извлек из кармана пачку долларов и бросил на стол.

– Я продал квартиру, – без лишних сантиментов сказал Амрам. Лицо Марии исказили удивление и ужас. Считанные секунды оставались до вспышки ярости. Амрам приготовился. Критическая точка была достигнута и супруга начала осыпать мужа скверной. Амрам не возражал, лишь молча слушал. За годы брака он усвоил – «лучше не подливать масла в огонь, но дать свободно выплеснуться гневным чувствам, тогда ссора закончится быстро, а иначе, она может затянуться на несколько часов». Мария тяжело дышала и побагровела, но успокоилась.

– Какой же ты самоуверенный идиот, – заключила она.

– Ребёнка придется оставить. Так будет лучше для всех, – сказал Амрам не обращая внимания на оскорбления. – Заказчик может явиться в любой день, и что будет тогда, боюсь даже представить.

– Детский дом – ужасное место. Я не отдам туда своего ребенка! – начиная вновь заводиться сказала Мария.

– Может кто-нибудь из твоих подруг сможет позаботиться о Мозесе? – Мария задумалась. Она перебирала в уме всех женщин, помогавших её семье в последнее время, но остановилась на одном имени.

– Селма Мердер, – монотонно произнесла она.

– Добрейшая женщина, – усмехнулся Амрам повторяя интонацию Йохана. – Но ты ведь знаешь, кто её муж?

– Знаю.

– И ты считаешь разумным оставлять этим людям ребенка из нашей семьи? – Амрам приподнял черные брови.

– Да, – резко ответила Мария дав понять, что её позиция окончательна. – Но потом мы обязательно за ним вернемся.

– Вне всяких сомнений, – согласился Амрам. Мария взглянула на Мозеса глазами полными печали. Ребенок одарил её непонимающим взглядом. Мать уложила ребенка и пошла собирать вещи в прутую корзину.

Амрам сел в мягкое кресло, раскурил трубку и с многозначительным видом мыслителя стал пускать струйки дыма. «Сомневаюсь, что Мозеса с большой радостью примет семья национал-социалиста» – подумал он.

2.

Стрелки часов перевалили за полдень. Солнце в зените окинуло пламенным взором землю. Город вновь погрузился на самое дно преисподней. Среди замученных зноем грешников шла женщина. В её руках покачивалась прутая корзина, покрытая легкой тканью. Взгляд скользил по лицам прохожих и меньше всего женщина хотела встретить знакомых. Она шла, заваливаясь слегка на бок, чтобы не раскачивалась корзина. Наверное, она несла что-то ценное и хрупкое. Женщина оказалась на Т*** штрассе. Улица славилась своими новострой-

ками, как многоквартирными, так и усадьбами. Серый трехэтажный дом внезапно кончился и точно пропасть после него разверзлся овраг на пустыре. Посреди каменных построек глухо покрывающих каждый сантиметр земли, островок бушующей зелени, точно затерянный рай, раскинулся на сотню квадратных метров. Местные рассказывали о руинах на дне оврага сокрытых за колючими кустарниками и высокой травой. Много баек ходило об этом месте. Особенно любили истории дети и старики. Старшие придумывали и запугивали, а младшие слушали и боялись. Мир был в равновесии, и никто в овраг не спускался.

Пустырь окончился, упёршись в добротную каменную стену так же внезапно, как и появился. За высоким забором стоял непоколебимый в своём величии дом в старомодном стиле. Он был похож на замок, с высокой башней и флажком на шпиле. За открытыми воротами простирались тесно насаженные кусты малины по обеим сторонам от дорожки, ведущей ко входу.

Женщина с корзинкой подошла к двери дома. Несколько секунд она колебалась в раздумьях. Серьезный шаг жадно требовал размышлений, как и обычно упорно отсрочивая действие. Но решившись, она поставила корзину и постучала в дверь. Из помещения донеслись неторопливые шаги. Сердце бешено заколотилось словно пыталось переломать все ребра и вырваться прочь из груди. Шаги за дверью приближались, а тревога нарастала. Женщина неожиданно сорвалась с места и убежала, оставив корзину у самого входа. Она едва успела скрыться, как дверь распахнулась и на порог вышла стройная светловолосая женщина в легком домашнем халате. Хозяйка дома осматривала двор голубыми глазами в поисках таинственного гостя, но так никого и не увидела. Она уже собиралась захлопнуть дверь, как вдруг из-под её длинных, аристократично бледных ног донеслись стоны. Светловолосая девушка, затаив дыхание опустилась и скинула ткань. В корзинке лежал ребенок. Он смотрел на неё большими, мокрыми от слёз глазами. Она взяла его на руки и попыталась утешить. Девушка оглядывалась по сторонам, пытаясь обнаружить дарителя, но двор был пуст. Взяв свободной рукой корзинку, блондинка зашла в дом, захлопнув дверь ногой. Мария же, всё видела сквозь трещину в кладке забора. Убедившись, что Селма приняла Мозеса, она побежала домой паковать вещи. Город казался теперь ей расплывшимся за слезами пятном.

Девушка из замка – Селма Мердер, в девичестве Леманн. Она происходила из знатного рода землевладельцев. Но сейчас от прежнего богатства и влияния остался только ветхий особняк и небольшие сбережения в золоте, не подверженные никакой инфляции. Всё это ей досталось от отца, умершего еще до Великой Войны. Именно он лишил род Леманн былого величия. Отец с детства возненавидел село, пашни, фермы, а как только его родители скончались и борозды правления перешли к нему он развалил хозяйство заключая невыгодные сделки и распродалая земли. Он жаждал перебраться в город и апофеозом его бегства стала покупка особняка в Мюнхене. Возможно, он сделал бы бизнес в городе, но скоростно скончался вскоре после переезда. Единственному ребенку, Селме, досталось всё наследство отца – дом, земля, счет в банке и долги. Не желая иметь проблемы, она раздала всё то, что задолжал отец, оставив себе лишь дом и небольшие сбережения. Мать же умерла при родах Селмы. Тем не менее, дочь гордилась своим знатным происхождением и часто предавалась воспоминаниями о былых временах, где-то преувеличивая, а где-то просто выдумывая.

После смерти отца Сема немедля вышла замуж. С Вилландом Мердером она встречалась давно, ибо пока был жив отец, они не могли вступить в брак. Потому не для кого их свадьба не стала неожиданностью. При жизни отец надеялся выдать дочь за богатого и благородного, а Вилланд был бедный и безродный. Тем не менее, они были вместе, а запреты только подогревали чувства. И после смерти отца, Селма сменила черное траурное платье на белое свадебное.

Вилланд поселился с женой в её особняке. С тех пор Селма занималась в основном домашними делами, да общалась с подругами. Изю дня в день она с нетерпением ждала мужа с работы и встречала неизменно вкусным, горячим ужином. И брак был почти идеален, если

бы не одна проблема. Сколько лет супруги были вместе, ровно столько они пытались завести ребенка. Доктора разводили руками, знахари перепробовали все настои и бальзамы, а колдуны только и твердили о порчах да проклятиях. Супруги всерьез задумались над усыновлением. Зная это Мария оставила ребенка именно им. Однако для Селмы всё выглядело словно какое-то чудо, а не хитрость подруги. Просто потому, что она хотела в это верить.

В комнате на втором этаже дома семейства Мердеров была старинная люлька из дерева. Резные картинки изображали мифических существ и отважных героев старинных сказок. Селма застелила люльку свежими простынями и уложила ребенка. Она смотрела на каждую складочку его тельца и ей казалось, что она знает его уже давно, будто эти черты она уже где-то видела. Но мысли быстро оставили её. Убедившись, что ребенок уснул, Селма подошла к книжной полке и вытащила толстую книгу в кожаной обложке. Золотыми буквами на ней было написано «Библия». Девушка открыла где-то в начале и начала читать вслух.

– Некто из племени Левиина пошел и взял себе жену из того же племени. Жена зачала и родила сына и, видя, что он очень красив, скрывала его три месяца; но не могли далее скрывать его, взяла корзинку из тростника и осмолила её асфальтом и смолой и, положив в неё младенца, поставила в тростнике на у берега реки, а сестра его стала вдаль наблюдать, что с ним будет, – Селма пропустила пару стихов и продолжила читать, – И вырос младенец, и она привела его к дочери фараоновой, и он был у неё вместо сына, и нарекла имя ему: Мозес, потому что, говорила она, я из воды вынула его, – Селма закрыла книгу и посмотрела на младенца. – Я назову тебя Мозес, – прошептала она.

3.

Прозвучал гудок и своим рёвом перебил грохот десятков токарных станков. Рабочие оторвались от производства и начали отключать оборудование. Когда гудок стих, в цехе были слышны только голоса людей, не машин.

Пятница. Все спешили: домой, в пивную или к женщине. И в радостной суете грядущего выходного никто не хотел терять ни секунды. Необходимо было как можно быстрее потратить вечернюю зарплату, пока инфляция не превратила обеденное повышение оклада в бесполезные бумажки. Самые отчаянные везли в тележках горы мелких купюр по пять, десять тысяч марок, просыпая сотни тысяч на землю, спешили, только бы успеть обменять деньги на несколько бокалов пива и порцию жаркого. Более продуманные рабочие еще в обеденный перерыв сбегали на рынок и потратили утреннюю зарплату, пока доллар не успел вырасти во второй раз за день, обесценивая кучи бумажных марок. Так продолжалось уже довольно долго, но с каждым днем темп роста инфляции только ускорялся. В начале года буханка хлеба стоила семьдесят семь марок, а летом цена подобралась к полумиллиону. Невозможно было отложить деньги, на что-то накопить. Все честные люди жили одним днём. Иначе было невозможно. Но находились и те, кто ловко манипулировал и пользовался ситуацией наживаясь на инфляции. Если обычный человек в то время был миллионером, то продуманные дельцы владели биллионами и биллионами. Их ненавидели, и им завидовали.

Послезавтра надо быть уже свежим и работоспособным. Выходной давали всего один, но никто на это не жаловался, ибо в стране и так была тотальная безработица и бедность, толкающая некоторых на самоубийство. Наоборот все с гордостью говорили, что работают на самом современном и стабильном производстве Мюнхена, а этим похвастаться могли не многие. Выпускал завод детали для машиностроительного комплекса. Вся продукция уходила на экспорт за границу, а спонсировался завод инвесторами иностранцами, но об этом обычно не вспоминали – не патриотично. А патриотизм кипел в умах почти что каждого, и многие пытались направить эту энергию в разной политической деятельности. Под одной крыше завода работали коммунисты, национал-социалисты, демократы. И каждый считал себя единственно

истинным патриотом Германии, точно знающий, как возродить страну из краха Версальского мира. Но во время работы все должны были позабыть разногласия, и потому нацист подавал металлическую болвану коммунисту, а демократ-механик помогал с заклинившим станком обоим. Но как только рабочий день заканчивался, они вновь становились непримиримыми соперниками. Едва выйдя за территорию завода некоторые начинали выяснять отношения. Но самые ожесточенные бои происходили если, не приведи господь, пути их пересекались во время демонстраций на улицах города. Выступая под своими знаменами, выкрикивая лозунги, они превращались из отдельных людей в единые организмы, ведомые идеей.

Вилланд Мердер: высокий, худой мужчина с небольшими, словно прищуренными серыми глазами, токарь из второго цеха не был исключением. Несколько дней в неделю он снимал серую робу, облачался в коричневую рубашку и повязывал на руку красную ленту со свастикой. В свободное от работы время, так, как если бы это было его хобби он выступал на стороне штурмовых отрядов, занимался пропагандой и удовлетворял свою потребность в политической деятельности.

Вилланд спешил домой чтобы перекусить и отправиться на пятничное собрание штурмовых отрядов. Чаще всего такие встречи плавно перетекали в пьянку, утоляя не только жажду патриотизма, но и веселья. Напившись, они распевали гимны и кричали лозунги. И от того, даже досуг приобретал идейную окраску.

Вилланд вышел за территорию завода и прыгнул в отходящий от остановки трамвай. Каждый день он опаздывал всего на несколько секунд и, привыкнув, запрыгивал в едущий трамвай с легкостью циркового артиста. Он снял фуражку приветствуя кондуктора и пассажиров. Всех он знал в лицо, но ни с кем знаком не был. Те же люди ездили этим маршрутом изо дня в день, но дальше третьей остановки появлялись незнакомцы, а на пятой Вилланд выходил из транспорта.

Он шел привычным маршрутом к дому предвкушая по обыкновению вкусный ужин, после чего планировал отправиться на собрание штурмовиков в пивную. На протяжении последнего времени так всё и было, но только не в этот вечер.

Вилланд зашел в дом, но не почувствовал привычный, ласкающих нюх запаха ужина. Было на удивление тихо. В уме мужчины возникали пугающие картины, начиная от того, что жена его бросила, заканчивая похищением, убийством, суицидом. Да всё что угодно! Ведь он так привык к одинаковым сценариям своего вечера, что небольшое изменение вызывало бурю подозрений. Осторожность и внимательность к мелочам не раз спасали ему жизнь во время войны, но в гражданской жизни это переросло во мнительность и недоверчивость. На любое непонятное событие он выдумывал причины и последствия, волнуясь о том, что было лишь его догадками. То же относилось и к отношениям с женой. В последнее время он взял себя в руки, но раньше ревновал Селму по любому поводу. Супруги ссорились до тех пор, пока Вилланд не начал держать подозрения при себе. Тогда всё стало лучше. И потому вдвойне был удивлен и встревожен муж, что сегодня его оставили без ужина. Он услышал звуки, доносившиеся со второго этажа. Снова в уме промелькнули десятки вариантов того, что возможно происходит. Вилланд подошел к комоду и открыл ящик, обернулся и оглядел комнату: никого. Он копался в вещах и затем приподнял днище и что-то достал. В руках блеснул револьвер. Вилланд попытался тихо взвести курок, но в давящей тишине шелчок был словно раскат грома. Мужчина направил перед собой оружие и легкими шагами подошёл к лестнице. Ступень сменялась ступенью. Потая словно взбирался на гору Вилланд оказался наверху. Он осматривал этаж, ожидая встретить вора, но наткнулся лишь на спящую Селму в одной из гостевых комнат. Она уснула сидя, опершись руками на деревянную спинку стула. Вилланд в испуге уже хотел покинуть комнату, но супруга открыла глаза и сонным голосом обратилась к нему.

– Откуда у тебя пистолет? – спросила она если не безразличным, то уж точно не удивленным тоном.

– С войны.

– Может уберешь, Вилл? – сказала Селма. Вилланд держал жену под прицелом. Опомнившись, он опустил и разрядил револьвер.

– Селли, объясни, наконец, что происходит? – спросил Вилл.

– Могу задать тебе тот же вопрос. Ты бегаешь по дому с пистолетом! А я всего лишь задремала поле тяжелого дня, – возмущенно ответила она.

– Устала? Отчего? Ты ведь даже ужин не приготовила! – подхватив настрой жены, начал возмущаться и Вилл.

– Тсс! – шикнула на мужа Селли. – Хочешь знать, что произошло? Чудо, вот что, – прошептала она. Вилл невразумительно что-то промычал. Супруга встала со стула и подозвала мужа к люльке. Он подошел и увидел ребенка. Вилланд взял за руку жену и вышел с ней из комнаты. Предвосхищая его вопросы она сама ему всё рассказала.

– ... ведь этого мы и хотели! – подытожила Селли.

– Нет. Мы хотели взять из детского дома, – возразил Вилл.

– Какая разница! Так даже лучше. Его появление именно сейчас, подобно чуду.

– Чем же лучше?! Мало того, что ты не можешь родить мне ребенка, – поднял большую тему Вилл, – так еще теперь мы должны принять в семью неизвестно какого происхождения ребенка!

– Ты опять за старое?! – глаза Селли заблестели от проступающих слёз. – Обвиняешь во всем меня, а сам то уверен, что дело не в тебе?

– Заткнись! – закричал Вилл и ударил кулаком об стену. С потолка посыпалась словно мелкий снег побелка. Супруги молчали непримиримо смотря друг на друга. Из комнаты донесся плач ребенка и вывел их из ступора. Селма побежала к малышу, а за ней и Вилланд.

– Подай смесь, – невозмутимо сказала Селли. Вилланд взял со стола бутылочку с чем-то белым, тёплым, и отдал жене. Ребенок притих и лишь причмокивал соской. Неожиданно он показался Виллу таким красивым, безмятежным. Что-то щелкнуло в скупом мужском сердце. Вилл почувствовал: он сможет полюбить этого ребёнка.

***

– Так как ты хочешь назвать ребенка? – спросил Вилланд и погладил обнажённое бедро Селмы. Они лежали в кровати и обсуждали уходящий день.

– Мозес, – прошептала она.

– Что за имя? Еврейское? – приподнявшись на локтях удивленно спросил Вилл.

– Египетское, – возразила Селма, – значит «спасенный из воды».

– Все Мозесы которых я знал не были египтянами, – усмехнулся он и повалился с локтей на спину. Селма обиженно фыркнула и отвернулась от мужа. Вилл не стал с ней больше спорить – обнаженное женское тело обезоруживало, заставляя оставить все доводы при себе.

– Знаешь, если для тебя это так важно, из-за той библейской истории, то пусть будет Мозес. Но по документам оформим его как... ну скажем Мартин. Просто формальность, но так будет лучше для всех. А называть его ты сможешь так, как сама пожелаешь, – сказал Вилл. Селли продолжая лежать спиной к супругу, молчала. Муж дотронулся до её округлого плеча, до нежной бледноватой кожи, и тогда Селма внезапно рассмеялась и повернулась, посмотрев супругу прямо в глаза.

– Ты чудо, – сказала она и поцеловала Вилла. Остаток дня и всю ночь они провели в постели. На собрании СА Вилл так и не появился.

4.

Краешек солнца показался из-за горизонта. Свет был ярко-оранжевым, но не слепящим. Старинные улицы наливались золотистыми лучами, и каждый кирпичик обращался в слиток драгоценного металла. На полчаса старый Мюнхен превратился в легендарный Эльдorado, но его жители еще мирно спали в своих золотых дворцах.

Солнечный луч подкрался к постели замыслив пробудить спящих – он желал похвастаться своим утренним творением. Луч осветил лицо Селмы пробиваясь сквозь закрытые веки, но девушка лишь поморщилась и перевернулась на другой бок, а свет – истинный царь Мидас, обратил её волосы в золото.

Сладкий утренний сон потревожил вопль из соседней комнаты. Селме казалось, что это ей снится – «ведь откуда в моём доме взяться ребенку?» – думала она в полусонном бреду. Но осколок воспоминаний вдруг выпал из кладовой памяти и пронзил ум. Селма вскочила с постели и побежала на крик. Она взяла ребенка на руки, покачивала и пыталась покормить. Но ребенок, казалось, кричит без причины.

В комнату вошел, почесывая затылок и зевая Вилланд. Он был возмущен, что в единственный выходной кто-то обрывает его священный сон. Подойдя к жене и ребенку, он изменился в лице.

– Думаю, он кричит от боли.

– Что за вздор! – возразила Селли.

– Он явно не здоров! – настаивал супруг. – Взгляни на его кожу!

– Нормальная кожа.

– Оно в сыпи! – сказал Вилл. Селли молчала, но в своём безмолвии начала закипать яростью. – Мы же не знаем откуда этот ребенок! Может его оставили умирающие от голода бродяги, больные и жалкие. Или его мать была больной гепатитом гимнасткой из цирка и за ненадобностью... – продолжал строить бессмысленные догадки Вилл и, увлекшись, перешел грань, и тут Селли не выдержала.

– Ты достал со своей дурацкой фантазией! На любой пустяк придумываешь какой-то бред, начинаешь в него верить и пытаешься убедить других! – повторила в тысячный раз Селли. – Задержусь я вечером у подруги, и ты выдумываешь историю с маньяком, перекинусь я парой слов с мясником и вот у нас с ним уже долгий и бурный роман! – Селли замолчала, только потому, что ребенок стал кричать громче, чем она. Девушка посмотрела на него, затем на мужа, и снова на ребенка.

– Хотя, может в этот раз ты и прав. Не про гепатитную гимнастку, а про болезнь, – она подняла глаза на мужа, – нужно показать его Йохану.

– Вот именно! – победоносно вздернув подбородок, воскликнул Вилл. – Уверен, он уже не спит. Я мигом!

– Стой!

– А?

– Приведи себя в порядок. Ты после ночи весь растрепанный, – сказала Селли и лукаво улыбнулась. Вилл ответил не менее хитрой улыбкой. Они взглянули друг на друга, как два человека знающие одну тайну.

Йохан Шульц жил за несколько кварталов от Мердеров. Вилл прошел мимо пустыря, на котором отец Селмы хотел построить второй дом. Пустырь резко сменился на каменный многоквартирный дом. Его стены оплел вьюн, словно природа боролась с созданным человеком монстром.

Вилланд пришел к дому Йохана и нырнул в первый подъезд. В утренней тишине деревянные ступени жутко скрипели и казалось звук разбудит всех жильцов. Оказавшись перед дверью на втором этаже, Вилл помедлил перед тем как постучать. Время не было даже шести, но доктор должен был уже проснуться несмотря на ранний час. Он стал рано вставать и мало спать после войны.

Вилланд занес кулак, чтобы постучать, но дверь внезапно открылась, и он стукнул прямо в лоб Йохану. Старые товарищи в недоумении посмотрели друг на друга, после чего доктор разразился оглушающим хохотом, позабыв все манеры и обо всех спящих в доме. Его смех стёр остатки неловкости и Вилл начал смеяться вместе с ним. Они прошли в квартиру всё еще смеясь, но тише.

– Майя спит, – пояснил доктор, снимая с шеи полотенце. Он вытер мыло с недобритого лица и провел гостя в комнату.

– Я застал тебя за утренним туалетом? – спросил Вилл улыбаясь.

– Так точно, – по-армейски ответил Йохан.

Они некоторое время еще болтали, вспоминая былое, и гость совсем позабыл о цели визита. Бывшие сослуживцы выпили по две чашки кофе – такого дефицитного продукта, но всегда находившегося у Йохана дома. Часы пробили шесть раз, и хозяин наконец поинтересовался, с какой целью его почтили столь ранним визитом. Вилл резко встал со стула и вспомнил, зачем пришел. Он пояснил ситуацию с ребенком, и Йохан изменился в лице. Его улыбка сменилась на серьезную гримасу профессионала. Доктор ушел в другую комнату и уже через пять минут вернулся в костюме и крохотных очках без дужек – пенсне. В руке он держал, немного перетягивающий на правый бок его худое тельце железный чемодан. До жилья Мердеров они шли молча, лишь изредка перекидываясь взглядами.

Йохан открыл чемодан и среди различных инструментов отыскал резиновые перчатки. Он надел их и приступил к осмотру. Доктор сразу обнаружил те же симптомы, что и вчера у ребенка Циммерманов.

– Всё ясно, – сказал он. – Не страшно, если не запускать, – Йохан вынул тюбик с мазью, еще пару лекарств и объяснил, как лечить ребенка. Селма поблагодарила его и предложила доктору остаться на чай, но он вежливо отказался.

– Скоро проснется Майя, я должен быть рядом. У беременных свои причуды, знаете ли, – сказал Йохан, позабыв о проблеме Мердеров и ненароком задев Селму. Несмотря на это, хозяйка проводила доктора до двери, а перед уходом он обернулся и взглянул на неё, улыбаясь.

– Это очень благородный поступок. – Селли смущенно опустила взгляд. – Уверен он будет здоровым и крепким мальчуганом, когда его родители вернуться, – сказал доктор. Селма не поняла, о чем толкует доктор. Она не успела переспросить, ибо Йохан, быстро перебирая короткими ножками помчался домой, помахав на прощанье рукой. Девушка осталась на пороге в раздумьях, но цепь мыслей оборвалась, так и не обретя смысл, ибо внезапно, в комнате зазвонил телефон.

5.

Селли вбежала в комнату, но Вилл уже снял трубку. Он с серьезным лицом слушал голос из динамика, а жену терзали догадки – ведь ни у кого из их близких друзей телефона нет.

– Так точно! Скоро буду, – Вилл бросил трубку и горящими глазами посмотрел на жену. – Звонил группенфюрер СА, – ответил он на безмолвный вопрос. – Вернусь вечером. А пока приготовь мою форму, – сказал Вилл и пошел завтракать.

Селли разрывалась между ребенком и гладильной доской, на которой величественно возлежала коричневая рубашка мужа. Селма не была против занятий супруга. Она не интересовалась политикой и всё же была убеждена, что Вилл делает нечто полезное на своих собраниях и митингах.

Вилланд надел выглаженную, еще теплую после утюга форму. Несколько минут он красовался перед зеркалом, над чем Селли, проходя мимо, усмехнулась:

– Иди уже, красотка, – она поцеловала супруга в щеку и убежала к ребенку.

Свежесть утренней прохлады испарилась вместе с росой под горячими лучами солнца. Вилланд шел по улице быстрым шагом. Он еще помнил тот случай, когда по пути на собрание, гордо вышагивая в форме штурмовика, он встретился с компанией коммунистов проявивших чудеса коллективизма, избив толпой. Долго они вбивали в его голову идеи Маркса и Энгельса вплоть до легкого сотрясения. С тех пор одинокие прогулки в форме Мердер старался свести к минимуму.

Вилланд вошел в кафе с кричащим, но банальным названием «Вальхалла». Здешние войны боролись с похмельем после вчерашней великой битвы – пятницы. В кабаке веяло запахом солода и хмеля, жаренного мяса и свежей выпечки. На стенах и колоннах висели гербовые щиты, мечи и гобелены. Это место вполне могло сойти за рай для сгинувших воинов. Не хватало только борделя на втором этаже. И «Вальхалла» была одним из тех немногих заведений, не увядших в период инфляции и кризиса.

За дальним столом сидели двое мужчин в коричневых рубашках и пили из высоких кружек пиво – светлое, баварское. Обоих одолевала зевота и Вилл, подойдя к столу, невольно повторил за ними, словно это был тайный знак. Он поприветствовал однопартийцев и, только присев, перед ним на стол опустилась кружка пива.

– Доброе утро, Гер Мердер, – раздался тягучий голос из-под пышных усов щекастого кельнера. – Вы сегодня поздно. И вчера я вас не видел здесь.

– Доброе, Карл. Семейные дела, – не вдаваясь в подробности, ответил Вилл.

– Понимаю. Желаете поесть? Сегодня у нас отличные говяжьи отбивные.

– С утра? Нет, спасибо, я сыт.

– А вот мне принеси чего-нибудь, кишки совсем пустые, – вмешался молодой штурмовик, – и поживее!

– Сейчас, сейчас, Отто, – нахмурившись ответил Карл.

– Вот как с тобой, так Гер Мердер, а я у него Отто! Обращается словно с мальчишкой!

– Может потому, что ты и есть мальчишка? – сказал Вилл и со старшим штурмовиком разразился хохотом. Лицо юнца на фоне его желтых как пшеница волос стало совсем красным, но он промолчал.

Не прошло и четверти часа, как Отто принялся жевать дымящуюся от жара отбивную. Набив мясом рот юнец окончательно замолчал. Второй штурмовик, допив пиво вытер рукавом черные как смоль усы и победоносно поставил кружку на стол. Из нагрудного кармана он достал сигареты и неторопливо закурил.

– Тем не менее, они – будущее Германии, – сказал мужчина кивнув в сторону Отто и выпустил густую струю дыма.

– Да и мы еще не старая плесень, Генрих! – сказал Вилл.

– Нет, я о том... – начал Генрих, но его прервал гудок автомобиля возле пивной. Все трое вскочили со своих мест и побросали на стол кучу помятых денежных знаков. Вилл залпом допил остатки пива, а Отто запихал огромный кусок мяса в рот. Сослуживцы направились к выходу.

На улице их ждал грузовик, забитый людьми, плакатами и флагами. Троица из «Вальхаллы» запрыгнула в кузов, и машина тронулась, ревя мотором.

На узких лавках вдоль бортов грузовика сидело не меньше дюжины коричневорубашечников. Группы по три-четыре человека высаживали в обозначенном месте для демонстрации и агитации. Они хватали яркие флаги, кричащие о своих целях транспаранты и несли своё слово в массы.

– Куда нас сегодня? – спросил Вилланд.

– Где-то в северной части, – ответил Генрих.

– Гиблое местечко.

Вид за бортом сменился на бедные кварталы и по ухабистым дорогам грузовик мог лишь плестись, объезжая ямы и кочки. Внимание Вилланда похитил чумазый мальчишка. Он вылетел из булочной с хлебом в руках и с невероятной для ребенка скоростью, побежал прочь. Следом вышел разгневанный мужчина и закричал: «Вор!». Несколько человек оглянулось на вопль, но маленький разбойник уже скрылся с добычей.

Десятки раз точно так же Вилланд убегал с украденной едой по улицам беспощадного к сиротам города. Или же морочил голову вопросами прохожим пока напарник обчищал карманы жертвы. Но попался в руки закона он еще в те годы, когда не так уж трудно измениться, а привычки еще не стали частью натуры. Тогда Вилл понял, что возможно вчера он спас от тяжды беспризорничества и неизбежного преступного будущего одного ребенка. И по телу растеклось приятное тепло добродетели.

– Так что ты хотел сказать про наше будущее? – спросил Вилланд. Генрих непонимающе покачал головой. Вилл кивнул в сторону спящего на лавке Отто.

– А ты об этом, – Генрих почесал затылок. – Молодые, не связанные браком, детьми, работой – наша главная движущая сила. Их необремененные умы проще настроить на борьбу за идею. Не дорожа более ничем, они будут умирать и главное не страшась убивать. – на мгновение Генрих стал похож на безумца, но Вилл промолчал. Ведь он верил, что борется за счастье немецкого народа, а сослуживец, казалось, говорит о его тотальном порабощении.

Грузовик остановился, скрипнув тормозами и троица вышла, водрузив на себя плакаты, флаги, а Генрих прихватил еще и рупор.

Машина уехала, оставив за собой облако пыли. Через пару часов за активистами должны были вернуться, а они обязаны отчитаться за выполнение задачи.

Сослуживцы выбрали самое людное место – дорогу пролегающую между домами к рынку. Представление начиналось. Генрих выкрикивал через рупор лозунги и программу Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии. Обещания благополучия и счастья лились как из рога изобилия: «Выберете нас, и мы приведем страну к процветанию и былому величию, и покончим со всеми врагами Германии!» Юный Отто бегал и раздавал прохожим листовки, особо уделяя внимание молодым девушкам, будущим «матерям немецкого народа», как говорил сам Отто, когда хотел соблазнить одну из них. Вилланд же упорством и неподдельным энтузиазмом размахивал большим флагом с партийной символикой и золотистыми буквами N.S.D.A.P.

Речи Генриха уже шли по пятому кругу, листовки Отто закончились, а Вилланд устав, лишь вяло размахивал флагом. Они ожидали скорейшего прибытия грузовика, ибо жара становилась невыносимой. Но вместо машины на дорогу вышли четверо мужчин с красными повязками на плечах.

– Коммунисты, – прошипел Генрих. Этому дню не суждено было пройти мирно.

– Прочь отсюда! Это территория красных!

– Да неужели?! – воскликнул Генрих и, бросив рупор, вытащил из внутреннего кармана маузер. Двое оппонентов вздрогнули, когда дуло пистолета черным глазам посмотрело на них. Третий коммунист выхватил пистолет, но Генрих оказался проворнее и прострелил ему левое колено. Раненный выронил оружие, начал стонать и браниться. Оставив знамя, подошел Вилланд и, достав пистолет, встал в одну шеренгу с Генрихом.

– Ублюдок! Вот она, ваша коричневая справедливость! – тяжело дыша, сказал коммунист.

– Заткнись! Проваливай к своим жидовским хозяевам! – грозно сказал Генрих.

– Большевистские прихвостни! – добавил Вилланд.

– Вилл? Вилланд Мердер?! – словно из закоулков памяти возник знакомый голос и выхватил из реальности. Вилл вновь оказался на полях Великой Войны. Свист пуль, взрывы снарядов, крики – сливались в единую симонию смерти. Третий ряд, седьмая скрипка ля минор

– это свист минометного снаряда, летящего прямо в окоп к солдатам. Они слишком заняты стрельбой, чтобы глядеть в небо, и не подозревают, что смерть уже в пути: рассекает воздух и набирает скорость для последнего удара. Один молодой солдат опустил в окоп перезарядить винтовку. Руки тряслись и патроны просыпались на землю. Среди десятков и сотен гильз он не мог найти свои патроны, втоптаннные в грязь. Сквозь шум и грохот он услышал, как кто-то кричал: «Вилл! Сюда!» Он поднял голову и увидел, что в дальнем конце окопа машет рукой товарищ. Вилланд бросил поиски и в полуприседе побежал к нему. Но удар в спину прервал бег и Вилл пал лицом ниц оглушенный взрывом. Он чувствовал, как его засыпает землей. Словно дождь она летела, погребая все под слоем коричневой каши. Вилл перевернулся на спину, но лучше бы он не смотрел: по небу летела чья-то оторванная конечность, а на месте где солдат был пару секунд назад возникла гигантская воронка. Он еще не понял до конца, что произошло, адреналин в крови и боль заглушили страх. Смерть была так близко, в который раз. Вилла взяли подмышки и поволокли. Он запрокинул голову и увидел того солдата, что махал рукой. "Мартин, Мартин Кёлер" – с трудом прошептал Вилл, и потерял сознание.

– Мартин... – повторил Вилланд, держа на мушке своего спасителя.

– Вот так встреча, Вилл, – совсем безрадостно сказал Мартин.

– Как ты... почему ты с... – еще не придя в себя, пытался что-то сказать Мердер.

– Как я здесь оказался и почему с коммунистами? Могу задать тебе тот же вопрос. Но боюсь у каждого своя длинная история, а сейчас, похоже, не подходящий момент для бесед и теплых воспоминаний. – Повисла пауза, и только стон раненного, нарушал тишину.

– Я удивлен, Вилл, какой из тебя нацист?! – добавил Мартин. Троица в коричневых рубашках переглянулась. Щелкнул затвор пистолета.

– Мартин, уходи, – дрожащим голосом сказал Вилл и направил ствол на Кёлера.

– Вот так значит? Так ты мне хочешь отплатить? – ответил он и сунул руку во внутренний карман

– У него пистолет! – истерично закричал Отто.

Вилланд нажал на спусковой крючок. Из дула вырвалось пламя, неся с собой смерть в несколько грамм свинца. Мартин вскрикнул ужаленный пулей, да так и упал с рукой в кармане. Из груди хлынула кровь. Вилл выронил пистолет и тяжело задышал, словно выстрелил не он, а в него. Мердер бросился к Кёлеру. Он звал его по имени, словно из пропасти. Мартин еще был в себе, посмотрел на Вилла и улыбнулся. Он вытащил из кармана руку, сжимая в ней фотографию, не пистолет, и протянул старому товарищу. Фото с фронта. На нем они словно мальчишки беззаботно позировали с винтовками. У Вилла выступили слёзы.

– А знаешь, зачем тогда в окопе, я звал тебя? – ухмыляясь, спросил Кёлер. Вилл отрицательно покачал головой. Мартин с трудом засмеялся, потом всё тише, и в одно мгновение стих. Вилл звал его и трепал за воротник – тщетно. Он стал звать к творцу, подняв голову к небесам, но молитвы его, остались не услышаны. Вилл разжал кулак Мартина и взял фото. Черно-белую картинку окрасила алая кровь. Спустя пару минут подъехал грузовик полный нацистов, а коммунисты бросились в россыпную. «Почему, почему они не могли приехать чуть раньше» – сокрушался Вилл. Напарники погрузили его в машину, иначе бы он так и сидел подле тела своего друга. Друга, которого, он убил.

6.

Доброе утро, Майя! – воскликнул Йохан, оторвавшись от газеты, когда в гостиную вошла высокая, кареглазая женщина с короткой под мальчика стрижкой. На ней был шелковый коричневый халат, а пояс слегка затянутый на животе беременной болтался словно маятник.

Йохан взглянул на стрелки часов – они перевалили за полдень. Утро у Майи начиналось поздно, не раньше десяти, а забеременев, спала до самого обеда.

Она сладко зевнула и пожелала доброго утра в ответ. Йохан с нетерпением принялся рассказывать последние события.

– ... и он взял больного ребенка у Циммерманов! Вилл поступил очень благородно! – восхищался Йозеф добродетелью Мердеров, но Майя не разделила его восторга.

– Он не знает.

– О чем ты?

– Вилланд не знает, что ребенок еврей, – прямо сказала Майя, и ушла на кухню, оставив мужа в кресле со свежими газетой и сомнениями.

В дверь постучали. На пороге в полумраке подъезда стоял тот, кого доктор ждал меньше всего.

– Что ты знаешь о Вилланде Мердере? – спросил гость.

***

Вилл не стал ужинать. Весь вечер он сидел за столом перед тарелкой и молчал, стеклянными глазами глядя в одну точку. Селли безуспешно пыталась узнать, что с ним, но муж, словно не видел и не слышал её. Затем Вилл надел старую солдатскую форму и в таком виде ходил по дому, напевая песни. Селли уже решила, что муж сходит с ума, но внезапно, прямо в форме, Вилл лег спать.

Утро сквозь окна проникло в дом, истребляя тьму даже в самых потаенных уголках, а звон будильника рассеял остатки сна. Начало дня выглядело бы вполне обычно, если бы Вилл не проснулся в кровати один и в мятой солдатской форме. Он не помнил вчерашних выходов и был искренне удивлен такой пижаме. Вилланд надеялся встретить жену на кухне, но и там было пусто. Ему казалось – он что-то забыл, что-то очень важное, но не мог вспомнить.

Вилл шел по улице, размахивая портфелем, и напевал популярную песенку. Утро было прохладным и свежим, впервые за последние недели лета. Он жадно хватал ртом воздух, пока тот еще не раскалился и почти пританцовывал, когда бежал к отходящему с остановки трамваю. В голове так и крутилась мысль – «Какое чудесное утро!».

Вилл протиснулся через толпу, и спрыгнул на своей остановке. От завода потянула знакомым запахом мазута. На этот пленительный аромат стекались толпы людей, спешащих насладиться им в ближайшие рабочие часы. Вилл почти влился в поток немецких рабочих, как кто-то позвал его: – Вилланд Мердер! – громко произнес голос. Вилл обернулся на зов. Среди толпы людей он не сразу различил кричавшего – человека в шляпе и надетым не по погоде красным шарфом. Вилл сделал вопросительный жест руками, искренне не понимая, что от него хочет незнакомец. Лицо человека в шляпе, почти слилось с ярко-красным шарфом, брови нахмурились. Мужчина выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов. Грохот затерялся в гуле спешащей толпы. Вилл ощутил жжение в груди и плече, совсем рядом с сердцем. Хлынула теплая кровь и растеклась множеством тонких ручейков по руке и животу. С каждой каплей утекала способность твердо стоять на ногах, и всё сложнее было воспринимать происходящее. Медленно, словно погружается в теплый кисель Вилл падал. Он размахивал рукой, пытаюсь за что-нибудь ухватиться и за мгновение до удара еще раз увидел человека в красном шарфе незаметно растворившийся в толпе. Тяжелый удар о каменную брусчатку погрузил сознание во тьму, и прежде чем отправиться в небытие один вопрос успел проскользнуть в уме – «За что?».

7.

Вилл лежал на больничной койке и застывшими глазами смотрел в стену. Успокоительное подействовало слишком хорошо и когда в палату вошла Селма и Йохан он не обратил на них внимания. Супруга погладила Вилла по лицу и что-то неразборчиво прошептала. Йохан стоял позади с опущенным взглядом и молчал.

– Пуля попала в грудь, едва не задев сердце. Ему очень повезло, – констатировал лечащий врач – друг Йохана. Он настоятельно потребовал оставить Вилла в покое пока тот отходит от лекарств. Все трое пошли в кабинет врача выпить кофе.

– Я встретил Мартина, – сказал Вилл как только пришел в себя. Йохан покачал головой.

– И как? – без удивления спросил он. Вилл стиснул зубы и покраснел.

– Нормально, – и словно извиняюсь, добавил, – только он уже не в городе.

– Понятно. Странно, что порой жизнь разделяет даже самых лучших друзей. Мы вместе через многое прошли.

– Да.

– Кажется он не раз спасал твой неуклюжий зад.

– Точно. Жаль мы не успели собраться вместе.

– Жаль. Поправляйся. – сказал Йохан и вышел из палаты. Вилл остался один наедине с виной. Он был уверен: если Йохан узнает правду, то лишится последнего старого друга.

Вскоре Вилланда выписали, назначив покой в качестве лечения и политическую индифферентность для профилактики. Но долго домоседство продолжаться не могло – руководство завода не спешило выплачивать зарплату по больничному листу. Несмотря на протесты профсоюзов, они часто безнаказанно нарушали права рабочих, ибо они знали: людям некуда больше идти. Но трудяги были рады и этому. По сравнению с безработными они чувствовали себя на ступень выше: им не приходилось стоять в очередях за порцией бесплатного супа, просить милостыню и рыться в отходах. Потому все закрывали глаза на происходящее и продолжали работать.

Вилланд подошел к воротам завода и болью в груди отозвалось воспоминание о роковом утре. Пару недель он не был на работе. Его терзали дурные предчувствия.

В административном корпусе Вилл не был с самого трудоустройства. Руководитель отдела кадров – дряхлый старикашка в черном, точно похоронном костюме, посмотрел из-под толстенных очков на миг прервав бумажную работу.

– Вакансий сейчас нет, – сказал старик, обмакнул железное перо в чернильницу, и снова принялся за письмо. – Покиньте, пожалуйста, помещение.

– Вы не так поняли! Я здесь работаю, – с натуженной улыбкой сказал Вилл.

– Так почему же вы не на рабочем месте?! – возмутился старик. Вилл на несколько мгновений замялся: «и действительно, почему?».

– Я лежал в больнице, моя жена звонила. Пришел оповестить, что готов выйти на работу. – Руководитель отдела кадров искоса посмотрел на него.

– Ваша фамилия? – спросил он.

– Вилланд Мердер. – Услышав имя, старик неохотно встал из-за стола и направился к картотеке. Выбрал ящик с буквой М и, бормоча фамилии, стал перебирать карточки.

– Нет никакого Мердера, – сказал он и закрыл ящик.

– Как? Посмотрите еще раз!

– Я всё посмотрел, вас нет.

– Но я уже три года здесь работаю! – повысил голос Вилл. – Не мог же я просто испариться просто потому, что недолго пролежал в больнице с пулевым ранением! – Услышав это, старик изменился в лице.

– Испариться? Еще как мог, – зловеще произнес он. – Ты тот подстреленный нацист, причем подстреленный коммунистом и к тому же почти на территории завода. И всё это вместе усугубляет дело. Не хватало нам еще партийных разборок и митингов. Здесь люди работают, а такие как вы, молодой человек, лишь во вред производству, – он уселся за стол, поправил тяжелые очки и начал писать. У Вилланда сперло дыхание, он с трудом смог выговорить:

– Я, я же специалист. У меня многолетний опыт!

– Рабочее место заняли уже на второй день вашего отсутствия. Незаменимых людей нет, особенно среди таких незначительных работяг.

– Но у меня семья!

– У всех семья, – не отрывая взгляд от рабочего стола, сказал старик. – Покиньте помещение и территорию завода.

Вилл пораженный направился к выходу. Но не успел он сделать и шаг, как старик окрикнул его:

– Подождите! – Вилл медленно обернулся. – Вот, заберите свои документы, – старик шлепнул об стол папку с бумагами, – и советую прямо сейчас заняться поиском работы.

Вилланд Мердер – бывший токарь пополнил армию безработных и вышел на тропу войны с нищетой и голодом. Он прикинул в уме, что сбережений, ежедневно съедаемые инфляцией, хватит не на долго. В такое время глупо копить большие суммы, но какие-то деньги в семье однозначно были.

Фантазия, независимо от хозяина стала строить пессимистичный сюжет: Селма, узнав о увольнении бросает его, выгоняет из дома. И Вилл одиноко бредет по обочине жизни. Начинает воровать, пить и, в конце концов...

Не было еще и полудня. Вилл не возвращался домой, а хотел отложить разговор с женой хотя бы до вечера. Он стал бесцельно бродить по улицам, убивая время пока время убивало его. Такой одинокой неспешной прогулки не было, наверное, с самого детства. Ведь оно очень рано расколослось о действительность жизни и осколки эти, застрявшие в самом сердце напоминали о себе острой болью. И ни к чему сейчас были воспоминания, достаточно одной суровой реальности. Но обрывки памяти складывались в мозаику из сотен событий, и все вместе давили тяжелым грузом на и так ослабший дух. Прошлое – гнетущее своей неисправимостью, настоящее – ноющие свежими ранами и будущее – уничтожающее жуткими мыслями о нем. Все вместе, в один момент – слишком много для одного человека. Вилланд присел на бордюр и схватился за голову.

Вилл пришел домой ровно в то время, когда обычно возвращался с работы. Он оглянулся и подошел к комоду спрятать папку с документами. В самую глубь, под вещи и тряпки. Вдруг его обвили сзади руки и нежный голос тихо прошептал:

– Что ты делаешь?

Вилл обернулся. Лицо Селмы сияло улыбкой, а взгляд голубых глаз растопили бы сейчас все айсберги в мире. Вилланд на мгновение забыл обо всем. Селли, не дожидаясь ответа, схватила мужа за руку и с неожиданной силой потащила за собой на кухню. Помещение окутали ароматы аппетитных блюд. Но главным украшением стола была бутылка хорошего вина.

– Это в честь твоего выздоровления и выхода на работу! – радостно сказала Селма. Вилл ничего не ответил. Глядя на роскошный стол, он лишь подсчитывал, на сколько меньше они теперь смогут прожить на остатки шаткой валюты.

– Ты не рад? – разочарованно спросила Селли. Вилл встряхнул головой, пытаясь прийти в себя и улыбнулся.

– Всё прекрасно! Спасибо! – сказал он и обнял жену, пряча между объятий неискренность. Они сели за стол.

Весь вечер Вилл лгал. Он придумал историю, что ему временно дали работу полегче, в связи с травмой, а платить пока будут меньше. И так он увлекся, что в какой-то момент сам поверил в свои выдумки и настроение его заметно улучшилось. Селли с упоением слушала, но как только он закончил, она начала рассказывать про малыша. «Мозесу становится лучше» – говорила она, умиляясь одним лишь воспоминанием о ребенке. Вилл поймал себя на мысли, что совсем забыл о подкидыше. Хорошее настроение, плод вечернего самообмана, оказался с гнильцой и упал с древа воображения.

Супруги пошли спать. Сытость нагоняла сонливость, и они без чувства рухнули в кровать. Вилл не знал, что будет делать завтра. А сегодня уже прошло, и он просто заснул, ускользнув от тягостных мыслей.

8.

Привычка оказалась сильнее сна. Вилл проснулся рано, словно ему надо идти на работу. Не дожидаясь жены, он сварганил простой завтрак. Без удовольствия съел и покинул дом взяв документы.

Везде были рады «клиенту Виллу», но не «соискателю работы». Портной немедленно прекращал снимать мерки, а пекарь рассказывать о своих булочках узнав, что Вилл безработный. Некоторым действительно требовались работники, но к разочарованию обоих, Вилл не обладал нужными навыками. Он шел дальше по мощеным улочкам города, не теша себя надеждой.

Третий день Вилланд покидал дом с папкой в руках. От идеи идти на биржу труда, он отказался в первый же день: сотни людей стояли в бессмысленных очередях, надеясь на трудоустройство, а те, кто уже понял эту жизнь, стояли в очередях за супом.

На одной из улиц вопреки окружающей полумертвой обстановке, суетились люди, подъезжали грузовые машины к дому со стеклянными витринами, что-то выгружали.

Распахнув дверь выбежал мужчина и закричал на грузчиков:

– Это оставьте! – Рабочие бросили большую деревянную коробку, и внутри что-то звякнуло. Мужчина схватился за голову и зарычал.

Вилл вошел в помещение. Кругом был немыслимый бардак, однако весь этот хлам был жутко интересный. Предметы старины и современной техники, первый мушкет и пишущая машинка последнего поколения, кресло в колониальном стиле и простой деревянный стул – настоящий символ своего времени. Вилл увлеченно рассматривал вещи, словно был в музее, пока не ощутил на себе проницательный взгляд. Он обернулся и увидел человека в строгом костюме и седой бородой.

– Мы еще не открылись, но если Вас что-то интересует...

– Нет, нет. Я просто смотрю. Это будет магазин антиквариата?

– Магазин антиквариата и ломбард! – гордо заявил хозяин и раскинул в стороны руки, заключая в объятия свои владения.

– Интересно у вас, особенно это оружие девятнадцатого века, – сказал Вилл и рассказал всё подробностях словно заядлый коллекционер: год выпуска, история, технические характеристики .

– У каждой вещи есть своя история, – сказал антикварщик. – Давно я не встречал человека таких глубоких знаний. Мне понадобился бы у себя такой сотрудник, но наверняка вы уже чем-то занимаетесь, – сказал владелец и Вилл изменился в лице. Это был шанс. Но он не хотел показывать, что сильно заинтересован в работе и, пытаясь как можно спокойнее, сказал:

– Я как раз хотел сменить род деятельности, так что, почему бы и нет.

– Прекрасно! Я хотел устроить сюда своего племянника, но он жутко бестолков. Я найду ему другое дело. Думаю, вы его видели на улице, грузчиками руководит, – сказал антикварщик и рассмеялся. – Кстати, забыл представиться: Ицхак Фаерман – он протянул руку Виллу, но тот побледнел и застыл. «Еврей» – догадался он.

Вилланд в спешке покинул магазин, сославшись на срочные дела. Даже находясь в таком тяжелом положении, он не мог и представить, что будет работать на евреев. «На этих, жадных, ставивших целью лишь обманывать и богатеть на несчастье других!». Он быстрым шагом шел, не думая куда, пока не уткнулся в ворота собственного дома.

Время было около двенадцати. Жена наверняка была дома, и Вилланд, решил во всем ей признаться.

Из кухни доносились звуки. Вилл собрался с мыслями. Но зайдя на кухню, с трудом наведенный порядок в голове рухнул, оставив в недоумении. Спиной к Виллу сидела незнакомая женщина и что-то держала в руках слегка покачивая.

– Что вы... – начал Вилл, но женщина, вскрикнула и обернулась. На руках она держала младенца Мозеса и кормила грудью. Оба глядели друг на друга непонимающим взглядом.

– А, Вы, наверное, гер Мердер? – робко предположила незнакомка, прикрывая грудь.

– Он самый. А вот вас в своем доме я вижу впервые.

– Ох, простите. Ваша жена платит мне за то, чтобы я кормила ребенка. Я хожу уже почти неделю. Но вы обычно в это время на работе и... – Вилл не слушал, он задумался о еще одной статье расходов.

– ...к счастью через несколько месяцев мои услуги уже не понадобятся. Я так рада за вас!

– О чем вы?

– Ну как же! Ведь скоро фрау Мердер сможет сама кормить. Кажется, она сказала, что на третьем месяце – слова женщины, словно обухом топора ударили Вилла по голове.

– Она сейчас как раз на консультации у врача. А потом собиралась пойти в церковь. Она считает эту беременность благословением за то, что приютила подброшенного ребенка.

Вилланд покинул дом, не желая сейчас встречаться с женой. Остаться безработным после такой новости было просто непозволительно. На карте стояло слишком многое, и в его уме схватилась в смертельно схватке идеология и семья. Устроиться к спекулянту еврею? Или остаться верным своим взглядам, обрекая семью на жалкое существование в нищете? Каждый сюжет, был ужасен, и невозможно было сейчас решить какое зло меньшее. «Будь неладен миг выбора!» – подумал он.

Вилл брел по улице, опустив взгляд на дорогу. Брусчатка, местами разбитая и раскаленная жарким летним солнцем плыла перед глазами уносясь прочь под ногами идущего. Остановившись, он поднял голову и увидел тот самый антикварный магазин и ломбард. Ноги сами привели его сюда. Глубоко вздохнув, он неуверенным шагом направился к дверям. Казалось, выбор сделан.

Вилланд отвернулся, когда из магазина вылетел стул, звонко разбив витрину. Тысячи осколков усеяли тротуар и заблестели в лучах солнца. В помещении раздавались крики и шум погрома. Вилл замер.

– Мы же предупреждали тебя! Заказ должен быть выполнен! – донесся грозный голос из магазина. Несколько осколков еще державшиеся в раме выпали.

Владелец мощного голоса вышел из магазина, что-то прокричав напоследок. Вилл, с удивлением узнал в нем своего товарища по партии Генриха. За ним, держа в руках тот самый антикварный мушкет вышел Отто и два других штурмовика. Один из них нес банку с краской и кисть. На второй, целой витрине справа от входа он нарисовал шестиконечную звезду и каллиграфическим почерком вывел слово – Jude.

– Я христианин! – раздался из магазина дрожащий голос.

– Христубийца! – гневно возопил Отто.

– Жид! – выкрикнул Вилл, вслед за товарищами. Они обернулись.

– Вилл! Черт возьми, Вилл! – радостно воскликнул Генрих, – Смотри-ка, подстреленный, а уже бегаешь! – рассмеялся он. – Ничего не говори! Сразу хочу за всех извиниться, что не были у тебя в больнице. Тут много чего произошло! И кстати, ты ведь, наверное, не знаешь: нас всех приняли в регулярные ряды СА после той стычки с коммунистами. За заслуги! – На этой фразе сердце Вилла замерло. В глазах мутными пятнами проступали сцены тех дней: Мартин умирающий на его руках, стрелок в красном шарфе и взгляд Йохана в больнице. И вновь застучал в груди мотор, лишь когда Генрих сказал:

– Жалование хорошее платят! Бросай ты свой завод, за нами будущее! – сказал он. Печали Вилла вмиг улетучились. Проблема, кажется, решилась сама собой. И он пошел с ними.

9.

Огромный трансатлантический лайнер оставляя за собой черные струи дыма, вошел в бухту. Долгое путешествие подходило к концу и семейство Циммерманов облегченно вздохнуло. Они еще не сошли на берег, а уже бурно обсуждали планы на американскую жизнь. Амрам мечтал вновь открыть ателье, Мария что-то советовала, а маленькая Сара бегала по кораблю и дивилась проступающим на горизонте небоскрегам, да статуе женщины с факелом. Девочке она казалось очень забавной, и всё думала, зачем ей рога.

Судно пришвартовалось, и по узкому мостику, люди, толпясь растеклись по площадке. Изнуряющая процедура регистрации заняла несколько часов. Казалось, целая волна иммигрантов накрыла кипящий жизнью Нью-Йорк, но эти сотни людей были всего лишь каплей в бушующем океане.

После экскурсии по центру, у Циммерманов болели шеи. Всю прогулку они задирали головы, дивясь огромным зданиям, уходящим в небеса. Мария что-то возмущенно бормотала про Вавилонскую башню, а Сара мечтала, как однажды поднимется на самый последний этаж, самого высокого здания и оттуда окинет взглядом земной круг и, может, увидит дом в Мюнхене и маленького брата.

Друг Амрама, Ноа, проводил семью на съемную квартиру. К счастью, она располагалась в немецком квартале, и проблем с языком возникнуть не должно было. Однако, им всё же рекомендовали выучить английский. В тот же день, Амрам телеграфировал в Германию свой адрес и банковские реквизиты Ицхаку, чтобы он перечислил остатки денег за квартиру. Электрический сигнал за короткое мгновение пробежал по толстому, бронированному кабелю на дне Атлантики и достиг Европы, а затем и Мюнхена. Обывателю казалось странно, что доставка телеграммы от местной почты, до получателя была в разы дольше, чем передать за тысячи километров пучок электричества. Но Амрам мало что понимал в современных средствах связи и ожидал скорейшего перечисления денег и пару строк о том, как там, на Родине.

Спустя дни, недели, ни ответа, ни тем более банковского перевода Циммерманы не получили. Амрам во второй и в третий раз отправлял телеграммы, стараясь уместить в коротких сообщениях своё недовольство. В какой-то момент, он решил, что Ицхак его просто обманул и никакие деньги уже не вышлет. Он припомнил сразу все его незначительные недостатки. Создал образ из обрывков исключительно плохих воспоминаний. Не проходило и дня, чтобы Амрам не представил себе, как Ицхак в его квартире с его деньгами посмеивается сидя в его кресле. Он и представить не мог, что ненавистный друг, с разбитым лицом, убирает погром в пустующей лавке, а почтальон антисемит рвет телеграммы, как только видит на витрине получателя нарисованную синей краской шестиконечную звезду и слово – Jude.

Марию меньше заботила ситуация с деньгами. Куда больше она переживала за Мозеса. Ночами ей снился малыш, иногда веселый и бодрый, но чаще именно такой, каким она его запомнила: больной и слабый. Порой ей казалось, что он уже мертв, или новая семья не приняла его и отдала в детский дом. Она корила себя, что не сказала Селме о ребенке лично. И теперь, пожинала плоды своей трусости – тревогу и страх неизвестности. Но всё же она хотела сохранить тайну происхождения ребенка от самих же приемных родителей, дабы защитить. А может, ей просто было стыдно.

***

Через пару недель, Мозес выглядел намного лучше. Беременная Селма фанатично твердила благословения за спасение чужого ребенка. И как только он выздоровел, она настояла на скорейшем крещении Мозеса.

Это был субботний день в самом конце июля. К священнику у купальни стояли десятки людей с младенцами. В трудные времена, потерявший благополучие народ, всё больше обращал свой взор к поклонению и вере. Для кого-то эта была религия, для других партия, идеи, люди. Но мотив у всех один: надежда на лучшую жизнь. Одни уповали на древнего еврейского плотника, вторые на неудавшегося немецкого художника, а третьи на русского вождя пролетариата.

Предприятие, поставленное на конвейер, процветало. Одного за другим лысый священник окунал в ванночку кричащих, ничего не понимающих детей. Он произносил какие-то заклинания и отдавал радостным родителям. Следующий. Еще один. Очередь дошла до Мердеров. Всё прошло быстро. Всего за пару секунд ребенок стал мокрым и христианином, но очевиднее, всё же мокрым.

Вилланд возобновил службу в СА и получил невысокую руководящую должность. Своё первое жалование он вывозил на тележке. Несколько миллиардов марок были аккуратно уложены стопками, и с каждым часом купить на них можно было всё меньше. Бумажки слетали с телеги на ветру, но такая мелочь как пару миллионов марок не могла остановить спешащего за продуктами Вилла. Раньше трудно было представить, как это, промотать за пару часов миллиард марок. Но теперь дело это каждодневное, и уже совсем скоро в тачке Вилла вместо миллиардов были мешки с крупой, овощами, мясом и маслом. К концу дня, дворник выметал с дорог сотни помятых бумажек. Кто-то забирал их для растопки печей или для оклейки стен. Ноябрь. Буханка хлеба стоила больше двухсот миллиардов марок.

Кризис нарастал, и в один осенний вечер, штурмовики получили команду и окружили огромную пивную Бюргербройкеллер где выступал фон Кар и вместе с ним на трибуне все высшие чины. Вилланд с товарищами стоял в оцеплении, пока Фюрер в пивной устраивал представление. Им сказали, что сегодняшний день навсегда изменит Германию. Но как изменит, они еще не знали.

Попытка путча провалилась. В стычках с полицией были ранены Отто и Генрих. Виллу повезло больше. Достаточно ему уже было ранений в этом году. И через пару дней, несмотря на запрет властей НСДАП и Штурмовых отрядов, Вилл продолжил службу, как и многие, но под другим названием организации.

***

Мозес рос и крепчал. К зиме он уже уверенно ползал по дому как полноправный хозяин. Он не знал, что вскоре будет не единственным маленьким существом в доме, а любовь и обожаение родителей придется делить с кем-то еще. Пока он лишь видел, что у мамы растёт живот, и она стала чаще кричать на папу. Воспоминания о настоящих родителях стерлись и вряд ли есть на свете сила, способная оживить образы первых трех месяцев жизни.

Когда улицы города покрылись снежной простыней и детский взгляд, замороженный падающими за окном белыми хлопьями, приводил в восторг и умилял взрослых, мама внезапно исчезла. Проходили дни. Отец был дома не часто, а няня оказалась довольно скучной. Тоска охватила маленькое сердце. Но неожиданно, свет дней его вернулся. Мама пришла поздно вечером вместе с папой, который держал в руках сверток. В нём был совсем крохотный человечек. Мозес не мог и предположить, что кто-то может быть меньше чем он. Отец поднес его совсем близко к ребенку и сказал:

– Знакомься, это Йозеф.

Часть 2

1.

Холодным днём серая земля побелела, словно кто-то разлил молоко, а ветви деревьев остекленели в руках загадочного скульптора. Смолкло пение птиц, и натужный крик пернатых больше не мешал спать по утрам. В город пришла зима.

Детский взгляд устремился в непроглядную пелену густых облаков. Что-то холодное и мокрое коснулось лица ребенка. Он недовольно сморщился и едва слышно простонал. Несколько штук попало на губы и в рот – ему понравилось. Он высунул крохотный язычок, стараясь поймать еще парочку загадочных капель. Но у даров небесных были другие планы. Застывшее белое нечто угодило прямо в глаз ребенку и отдалось дрожью по всему тельцу. Сквозь всхлипы пробилась сверкающая слезинка, и скатилась по пухлой щеке.

– Ой! – вскрикнула няня и с ребенком на руках поспешила в теплый дом.

Желтое существо из камина одарило теплом и мягким светом сидящего рядом малыша. Он обратился к таинственному другу набором звуков, но тот молчал. Он сказал громче – нет ответа. Только редкий глухой треск давал надежду на взаимность. Ребенок подполз ближе, чтобы лучше расслышать, что пытается сказать друг. Не понятно. Еще ближе. Тепло начало жечь, но интерес был сильнее. Он протянул руку к собеседнику.

– Мозес! – испуганно вскрикнула няня, и ребенок обернулся на знакомый звук. Это был очень странный звук, он отличался от других. Когда кто-то издавал его, большие люди смотрели на ребенка, улыбались, или хмурились. Он настолько привык к нему, что едва услышав этот звук, начинал искать, кто же хочет посмотреть на него. А через пару лет, он будет считать, что это слово и есть он сам. Но пока, он безымянный исследователь со своим собственным языком и представлениями о мире. Живой, чистый ум. Не ведающий заблуждений человеческих слов.

Матери не было дома уже несколько дней, а отец появлялся лишь по вечерам и снова куда-то уходил. Только няня оставалась с Мозесом все эти дни. Однако он недолюбливал её за страшную родинку на щеке и горьковатый вкус груди. Мама же была красива, а грудь её сладка, но молока в ней не было. Он отчаянно её сосал, но каждый раз его возвращали нерадивой няне, смеясь над бестолковыми попытками добыть молоко.

Мама вернулась поздно вечером, когда Мозесу полагалось уже спать. Но ради такого события няня посмела нарушить священный сон ребенка. Он не сразу узнал маму – живот стал меньше, а груди больше. Признав её, Мозес радостно замахал ручонками, ударив в подбородок державшую его няню. Папа тоже был здесь, и улыбался, а в руках его был какой-то сверток. Мама бросила прямо на пол букет красных роз подаренный, видимо, в честь возвращения, и кинулась к ребенку. Она осыпала его поцелуями и нежными словами. Мозес снова почувствовал себя счастливым.

Загадочный сверток поднесли совсем близко, ребенок насторожился. Отцовская рука скинула тонкую ткань. Мозес увидел маленького человека, мирно посапывавшего на папиных руках. Все кого Мозес видел раньше были большими, и он даже предположить не мог, что на свете есть кто-то, меньше него. Настолько человечек был крохотный, что помещался в паре отцовских ладоней.

Родители часто повторяли незнакомое слово – Йозеф. «Наверное, он Йозеф, как я Мозес» – бессловесно подумал он.

Темная сторона любви овладела сердцем старшего сына. Он еще не знал, как это называется, но чувство, запомнит навсегда и не раз в жизни еще с ним столкнется. Позже узнает, что имя ему – ревность. Мама обнажила грудь и прижала к ней младенца. Он жадно присосался и, причмокивая, принялся за дело. Пораженный Мозес с завистью глядел на них. Взрослые что-

то сказали и все вместе засмеялись. Няня передала старшего в руку матери, и она приложила его ко второй груди. Мозес ощутил вкус молока, куда приятнее, чем у кормящей няни. Но торжество трапезы омрачил вид конкурента, посасывающего грудь напротив. За короткую жизнь, Мозес не научился делиться, и маленького человека воспринял не иначе, как соперника. Он покусился на самое ценное и даже молоко от того казалось горче. Мозес сосал, не отрывая взгляд от Йозефа. Это мгновение глубоким отпечатком тяжелой литеры осталось в потаенных уголках бессознательного.

За окном протяжно завыл ветер. Йозеф широко раскрыл глаза и оторвался от груди. Такое он слышал впервые, и не понимая, что происходит, разрыдался. Мозес с чувством превосходства посмотрел на него. Он уже давно не боялся ветра. Папа забрал Йозефа на руки утешить, а Мозес самодовольно продолжил поздний ужин.

***

В доме зажглись разноцветные электрические лампы. Такое обилие красок дети еще не видели. Те, кто уже умел ходить, тянули ручонки в надежде прикоснуться к еще одной тайне бытия. Но даже самому старшему не хватало роста, и после отчаянных попыток, усаживался обратно на пол изучать затейливые узоры на ковре, забыв о далеких лампах над головой.

Входная дверь распахнулась, и в дом ворвался порыв ветра и снега. Вошел мужчина с зеленым деревом под мышкой и все, почему-то радостно захлопали. Взрослых было много, и каждая пара пришла с ребенком. Мужчина внес дерево и установил в центр комнаты. Все принялись украшать казенное растение безделушками, а кто-то вешал бумажки с картинками, на которых дети весь вечер рисовали – то были старые бумажные марки, потерявшие всякую ценность. Лысый гость с рыжей бородкой запел, и все подхватили незатейливый мотив. Дети ощутили себя словно в церкви.

Это было первое рождество братьев. После церковной службы в их доме собралось много народа – взрослых и детей. Гости умилялись и все твердили, как похожи братья, ведь не все знали, что Мозес не родной ребенок, а потому искали сходства между двумя совершенно чужими людьми. «А у старшенького твой нос и губы» – говорили они и мать, каждый раз смущалась, после такого заявления не решаясь сказать правду.

Мозес с восхищением смотрел на рождественские атрибуты и показывал на все незнакомое пальцем. А хоровое пение захмелевших взрослых вызывало чувство благоговения перед энергией толпы.

Йозеф, пока еще не крещенный и не одаренный духом рождества непонимающе озирался по сторонам. К чему все эти песнопения и танцы вокруг наряженного дерева – было для него загадкой. Позже его крестят, но понятнее всё равно не станет. А пока, его укладывают спать. Старший брат задержался в гостиной подольше. Его лепет и восхищенный взгляд пленил гостей.

Когда и старшего брата уложили спать, рождественская ночь только начиналась.

2.

Победоносным маршем, под гимн пения птиц и журчание ручьев в город вошла весна. Жизнь пробуждалась, почуяв тепло. Стали выползать пауки и мухи, просыпаться жуки. Мир был удивительным откровением для тех, чья жизнь столкнулась с весной впервые. Для кого времена года еще не превратились в бесконечный круг банальностей, но каждый новый месяц, был словно полетом на далёкую, незнакомую планету.

Братьев Мердеров вывели на прогулку. Мозес уже умел уверенно сидеть и под чутким наблюдением матери копошился в траве перед домом. Она сидела в протовом кресле посреди

расцветающего сада и покачивала в руках окрепшего за зиму Йозефа. Он глядел в голубое небо, не понимая, для чего оно нужно, такое большое и величественное, если на него всё равно мало кто смотрит. Ему нравилась солнечная погода, всё становилось ярким, блестящим, можно было всё хорошенько рассмотреть. Йозеф бросил взгляд на причину искрящегося дня и ласкающую кожу тепла. Было больно. На какое-то время мир исчез за белыми пятнами, словно его накрыли простыней. Казалось, никогда уже не вернется всё то небольшое, к чему он успел привыкнуть – лица родных, узоры на ковре в гостиной, глубокое синее небо. С грустью, он уже готов был принять свою судьбу. Но пятна стали исчезать. Небо опять засияло синевой, а мама с удивлением склонилась над ребенком и смотрела в пораженные глаза. В тот день Йозеф понял – слишком яркий свет ослепляет.

Родители осознали, что у Мозеса нет дня рождения. Волокита с документами затянулась, но там рано или поздно придется указать дату. Проведя несложные расчеты, мама и папа предположили, что Мозес родился весной. Но когда именно, стало предметом споров. Оба родителя внезапно вспомнили об астрологии и надеялись выбором фиктивной даты рождения повлиять на будущую личность сына. Отец настаивал на Овне, мать – на Тельце. И оперируя загадочными описаниями из странных книг, они почти рассорились на пустом месте. Но кому-то из них вдруг пришла идея.

Мозес как раз закончил изучать спинку божьей коровки, когда к нему подошли родители, держа в руках странную бумажку. На ней было много символов, построенных в клетку. Мама потрясла листом перед ребенком. Мозес потянул навстречу руку и только слегка прикоснулся, как она отдернула лист, прислонив палец к тому месту, куда ткнул ребенок. «Двадцать второе мая – Близнецы» – разочаровано произнесли оба родителя. Мама смяла календарь.

– Не каждому дано выбрать дату своего рождения, – тихо произнесла она. Никто, кроме теплого весеннего ветра её не услышал.

– Решено. Двадцать второго мая день рождения Мозеса, – сказала Селма неожиданно даже для самой себя грубым тоном, не терпящим споров. Удивленный муж кивнул. Мозес пока не знал, что теперь в его жизни есть один день в году, когда окружающие веселятся от того, что кто-то, когда-то родился. Но ему сейчас было не до таких глупостей, ведь он только что нашел настоящий муравейник и палкой собирался измерить глубину тоннелей.

К назначенному дню право на праздник было официально задокументировано: «22 мая 1923 года, Мартин Мердер, город Мюнхен» – значилось в свидетельстве о рождении. Супруги долго спорили, считается ли 1 год за юбилей.

Торжество было назначено в тесном, почти семейном кругу. Помимо Мердеров присутствовала чета Шульц – Йохан и Майя, а также их дочь Роза. Она всего на пару месяцев старше Йозефа и примерно на столько же младше Мозеса. Из всех знакомых только у семьи Шульц была дочь одного года с братьями Мердрерами. От того, взрослые то ли в шутку, то ли в серьез сватали своих детей. И уже решали, за кого из братьев Роза выйдет замуж. Обильно заставленный пищей праздничный стол так и остался только миром запахов для беззубых малышек, и чем больше пустых бутылок оказывалось под столом, тем громче были разговоры взрослых. Чуть не подравшись, не помня позже из-за чего, отцы на утро просили друг у друга прощение. В итоге, детский день рождения прошел как шестидесятилетний юбилей отставного гауптмана.

3.

Гигантским зеркалом простиралось на сотни метров озеро, отражая проплывающие в небе облака. Погода стояла на удивление безветренная. Беспощадное солнце, словно погонщик плетью загоняло в спасательную прохладу отдыхающих. Бродячие псы тоже не прочь были омочить шерсть, а затем как следует встряхнуть шкурой, обдав каплями очередных зевак.

Семьи Мердер и Шульц выбрались на лоно природы после душной недели в городе. С собой они взяли пару корзинок с едой и пивом. Мужчины, окунувшись в озеро, сошлись на том, что лучше охладиться изнутри. Они сидели на берегу и потягивая пиво, пока то окончательно не согрелось. Жены из воды следили за играющими на берегу детьми, иногда обрызгивая их и весело смеясь, но им это не очень нравилось. Да и как может быть речь о бестолковых играх, когда малыши были заняты серьезными наблюдениями. Мозес заметил, что с Розой что-то не так. Она чем-то отличалась от него с братом. После принудительного купания в озере, когда тайные покровы мокрых трусов были сорваны, он понял в чем дело. Им овладело непреодолимое желание рассмотреть поближе удивительное отличие. Роза с недоверием посмотрела на подползающего натуралиста. Он шел навстречу к открытию, а к коленкам лип песок. И вот уже мальчишка протянул руку к заветной цели, как на него обрушилось неожиданно тяжелая рука Розы. Она и раньше не подпускала его к себе близко, но теперь, похоже, он перешел невидимую черту дозволенного. Мозес рухнул с колен на бок, окинул её обиженным взглядом и уполз подальше от обоих детей. Йозеф наблюдал за всем без интереса, каким бы там не были отличия Розы. Когда сцена битвы окончилась, он опять вернулся к проектированию пирамидок из песка.

Мозес сидел повернувшись спиной к Розе и брату. Он всё раздумывал о причине такого отношения, но ответа не находил. От глубоких детских мыслей его оторвали звуки позади. Он обернулся, и сердце забилось чаще, лицо налилось румянцем, ведь на его глазах Роза делала с Йозефом то, что он хотел с ней – анатомическое исследование. Мозес встал на ноги, что делал не часто, и ускоренно направился к парочке. Йозеф принимал лишь пассивное участие в исследовании, однако кулак брата пришелся именно на его лицо. Он ничего не мог знать о ревности в отличие от повидавшего жизнь Мозеса и потому искренне удивился такому поведению. Тем не менее, оставлять это безнаказанно он не собирался и Мозес получил уже второй удар за сегодня. К его счастью, больше затеять ссору было не с кем, а на удар Йозефа он отвечать не стал. Конфликт был исчерпан. Это был самый первый раз, когда братья подрались из-за женщины.

Сценка детского театра осталась незамеченной взрослыми, и когда пиво отцами было выпито, а жены позагорали, оба семейства направились обратно в город.

***

Лето пролетело, так и не раскрыв все свои тайны. Пришедшая следом осень внушала страх и трепет перед ночными грозами и раскатами грома. Братья пытались перекричать друг друга в такие жуткие ночи, чтобы мама подошла к нему первой. И на этом соперничество не заканчивалось. За прошлые обиды Мозес старался во всем и всегда быть лучше брата, и Йозеф невольно становился участником этой гонки. Старший брат был очень горд тем, что первым научился говорить, несмотря на то, что просто чуть дольше Йозефа жил на этом свете. Этим он тоже был горд. Болтал Мозес часто без умолку и бестолку, повторял по кругу все известные ему слова, иногда менял их местами. Взрослых же это только забавляло, когда из генератора случайных предложений получалось что-то даже отдаленно осмысленное.

Слов от Йозефа ждать пришлось дольше. На свой первый день рождения, в декабре, он, молча, наблюдал за царившей праздничной суетой. А на рождество, когда Мозес уже подпевал пьяному хору гостей, младший все так же тихо наблюдал за происходящим. Но говорить он уже научился, но являл это так редко, что родители всегда прислушивались к его немногочисленным словам. В отличие от неустанного пулемета Мозеса, так старательно привлекавшего к себе внимание, но ставший уже скорее фоновым шумом, и всё чаще, родители начинали игнорировать его лепет. Обида Мозеса росла.

***

Тихим вечером отец распахнул ногой дверь и торжественно внес в дом непонятный ящик, пахнувший новизной и сверкавший лаком. Блестящие ручки устройства так и манили их покрутить. Семья с восхищением смотрела, как он устанавливает вещь на ножки, а затем включает в розетку. Дети подошли совсем близко. Отец повернул ручку, и грубый мужской голос вырвался из короба. Братья вскрикнули, а Йозеф еще и шлепнулся на пол. Братья долго ходили вокруг ящика стараясь понять, откуда берется голос. Родители смеялись, свысока смотря на детей. Йозеф дернул черный провод, голос замолчал. Ребенок испуганно посмотрел на отца «Сломал» – подумал он. Шнур кто-то выхватил из рук. С недовольной миной, на брата смотрел Мозес. Он вставил его обратно в розетку, и дом залился музыкой. Родители заулыбались, а старший брат пустился в безудержный пляс.

Со временем, радио стало лучшим другом Мозеса. Он мог часами сидеть возле него. Родители были удивлены, что сын слушает выступления политических деятелей и экономистов, бывших военных и артистов. Всё это не укладывалось в образ трехлетнего ребенка. Мозес со своеобразной критикой подходил к отбору передач, достойных его внимания. Когда оратор говорил так, словно умирал перед микрофоном, ребенок засыпал прямо возле радио. Мозеса привлекала манера много и громко говорить, как он сам любил это делать. И попадись в эфире подобный оратор, Мозес буквально прилипал к радио и с восхищением вслушивался в речи. Но Йозеф не разделяли восторга брата, а резкие заявления, скорее пугали, чем вызывали трепетное восхищение. И отец был разочарован, что его долгожданный, не оправдывал ожиданий, а безродный подкидыш стал потихоньку воплощать всё то, что он хотел видеть в Йозефе. И тогда, строгий отец стал больше уделять внимания младшему сыну, а старшего, оставлял на попечение мягкосердечной матери, баловавшего его и оставляя часто безнаказанными шалости. Обоим детям, стало не хватать внимания второго из родителей – Мозесу – строгости отца, Йозефу – любви матери. Они выросли, Мозес, сам того не осознавая искал для себя твердой руки, того кто смог бы руководить им и наставлять, ограничивая его разбалованную сущность. Йозеф же, напротив, уставший от бесконечного контроля отца старался делать всё наперекор, даже если это была самая незначительная вещь в мире. Но ему не хватало смелости прямо заявить о своей жажде свободы, и раз за разом подчинялся строгой руке отца. И тяжелым грузом откладывалось в его душе горечь, готовя почву для бунтарства. Но пока он был совсем мал, а отец имел власть над ним.

4.

1930-ый год. Последнее лето свободы и детства. Совсем скоро, братья пойдут в школу. Конец настанет сну до обеда, играм до заката и бесцельным блужданиям по улицам. Время взрослеть. Время понять, что значит стать достойным членом современного общества: много зарабатывать, завести семью и в окружении внуков и правнуков умереть в теплой постели своего роскошного особняка. Испустить дух под одобрительные речи священника, друзей и родственников: «Он добился всего, что ценит общество, а что он сам для себя хотел – нас не волнует». Незнакомцы, взглянув на роскошную церемонию похорон, скажут: «Всё как у людей!» И под звуки траурного оркестра опустят гроб с бледным лицом усопшего застывшего в вопросительной гримасе: «А зачем всё это было?». И гранитный камень водрузится над могилой со словами скорби и восхищения. Случайный прохожий, прочтя надписи, подивится: «Какой был человек!» в то время, пока его тело будет пожирать тлен.

Но сейчас, все двери открыты, умы чисты, а тела молоды и бодры. У них пока еще ничего нет, а потому, они свободны.

– Нет, не так! – сказал Мозес и топнул ножкой, — Там жила злая ведьма. Её заперли и сожгли в своём же доме. А было это тысячи лет назад! – добавил он и кивнул круглой головой похожей на мяч.

– Глупости! Я в такое верила только когда была совсем маленькой, – возразила Роза, разменявшая уже седьмой год жизни. – Такого, быть не может!

– Может!

– Не может!

– Откуда ты знаешь? – Мозес прищурил светло карие глаза с едва заметным оттенком зеленого и пристально уставился на подругу.

– Антикварщик Ицхак рассказал мне другую историю.

– Врешь! Как раз он мне и рассказал про ведьму!

– Сам врешь! А я знаю настоящую историю! — сказала Роза вздернув маленький курносый носик. Лицо Мозеса покраснело.

– Ну, расскажи её нам, раз ты такая умная! – сказал он и непримиримо сложил руки на груди.

– Слушай. Только не описайся, малыш! – насмеялась Роза, но Мозес уже был в предвкушении истории.

– Давным-давно, – начала она и Мозес фыркнул от банальности вступления, – когда город был просто деревней, на том месте где сейчас пустырь стоял единственный каменный дом. Он был сложен из многих кирпичиков и жил в нем богатый землевладелец – Олаф. Народ ненавидел весь их род за жадность и жестокость. Веками о них ходила дурная молва, а Олаф решил исправиться. Но люди не приняли его доброту и во всех делах видели зло. Однажды он подарил крестьянам новую мельницу. Люди с подозрением отнеслись к этому, но стали на ней работать. Через месяц, тяжелая балка, подпирающая крышу, упала и придавила двух человек. Среди них был молодой жених Элли, в которую годами был влюблён землевладелец. Расползлись слухи, что он всё специально подстроил, дабы избавиться от конкурента, ведь Олаф был очень одинок. Единственный с кем он хоть иногда общался – его слуга. Человек, прекрасно выполняющий свою работу, но начисто лишенный эмоций. А с ним, казалось, всё равно, что один. Каждое утро он бил в звоночек, перед тем как подать хозяину завтрак. Ровно в 6 часов. Во время завтрака, обеда и ужина Олаф думал о Элли. Она с детства была к нему добра. Когда все другие дети презрительно покидали общество наследника рода тиранов, она просто играла с ним, не задаваясь вопросом, кем были его предки. Повзрослев, они стали видеться реже. Она работала в поле, а ему было не позволительно шататься с крестьянской девчонкой. И даже когда родители Олафа умерли, он лишь робко наблюдал за своей уже повзрослевшей, прекрасной подругой. Он любил её, но не мог подступить к порогу дома Элли. Особенно после того, как Олафа стали считать убийцей её жениха. Он старался забыть девушку, уезжая в большие города, общаясь с высокородными дамами, и теша себя неведомыми развлечениями. Но всякий раз, он возвращался, и его сердце вновь наполняла тоска. И однажды, он решил покончить с собой. Петля туго обхватила шею, а шаткий табурет сам уходил из-под ног. В глазах Олафа застыл ярким светом образ Элли. «Сейчас, это всё закончится. Лучше ад подземный, чем ад на земле» – думал он. Землевладелец поднял ногу, чтобы сделать шаг в пропасть, но вдруг, услышал голос:

– Стой. Ты еще не готов, – прозвучало в голове.

– Кто ты? Дух?

– Я тот, кто может тебе помочь, – ответил голос. Повеяло холодом.

– Но как? Все ненавидят меня за грехи моих предков, но я не могу исправить это за сотни жизней! И Элли, – он запнулся, на глазах заблестели слёзы, – она теперь тоже меня ненавидит!

– Ум людей двойственно устроен. Не обязательно менять прошлое чтобы изменить отношение людей к нему.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Из всех деяний твоих предков, люди запоминали только плохое. Просто по инерции они видели во всем злой умысел, даже когда хозяин намеревался сделать добро. Не в моих силах менять историю, но я могу изменить отношение к ней. Люди будут почитать твой род как благороднейший, а тебя добрейшим господином всех времен, – голос стих, комнату окутала ночная тишина. Землевладелец задумался.

– Но ведь это не за просто так?

– Ты прав. Закон этого мира – баланс: если хочешь получить, ты должен отдать.

– Ты хочешь, чтобы я отдал свою душу? – спросил Олаф. Голос разразился нечеловеческим хохотом и заполнил каждый уголок дома, проникая во все потаенные щели.

– Вы, люди, с чего-то решили, что можете распоряжаться своей душой, продавать или отдавать, но это не так. Это она может распоряжаться вами, но не вы ей, – ответил голос, но Олаф не понял откровение духа.

– Тогда, что же ты хочешь, незримый друг?

– За каждый год, проведенный в этом доме с твоей возлюбленной, я буду забирать из стены по кирпичику, пропитанному счастьем. – Олаф окинул взглядом дом. На таких условиях кирпичей ему должно хватить до самой старости, и еще останется.

– Но, в чем подвох? – недоверчиво спросил он. Голос вновь разразился громогласным смехом.

– Ни в чем. Я просто буду забирать кирпичики там, где больше всего счастья. И всё.

– Хорошо. Я согласен. И что мне делать?

– Для начала, вылезь из петли. – Олаф повиновался.

– Что теперь?

– Просто иди спать. Но помни, что отныне цени каждый день, ибо жизнь человеческая скоротечнее, чем вам кажется. – Олаф напрягся. Голос покинул его, и больше не отвечал. Землевладелец лег спать в ожидании счастья.

Олаф ехал ранним утром в своей повозке. Крестьяне выглядели спокойными, но ему было важно только одно – как его воспримет Элли и её семья.

– Спасибо вам, господин! – сказал отец Элли, – За новую мельницу! Нам стало намного легче работать! Не приходится вручную толкать жернов, как на старой. А тот несчастный случай... – Олаф замер в ожидании. – Так это из-за пьяного мастера, что привинтил тяжеленую балку всего на два болта! Растяпа! – Камень отлег с души хозяина. Призрачный голос не солгал.

В тот же вечер, в присутствии родителей Олаф сделал Элли предложение, и она согласилась. Хозяин дал крестьянам выходной, и они праздновали союз доброго господина с прекрасной простолюдинкой.

Олаф привел Элли в свой дом. Каждый день начинался со звоночка слуги, и он подавал завтрак счастливой паре. А счастливы они были везде: в кровати, за обеденным столом, в библиотеке на втором этаже и в каждом уголке было счастье. И раз в год, кирпичики равномерно исчезали с неведомой для смертных целью, не принося вреда дому.

Шли годы. Олаф позабыл о сделке с духом, словно то был дурной сон. Кирпичики исчезали незаметно: то там, то здесь. Но когда пыл любви стал угасать, и времени вместе пара стала проводить все меньше, кирпичики счастья стали исчезать только из стены возле кровати супругов. В других местах, они уже не были так счастливы вместе. И в ночь сбора налога духов, стена рухнула, прямо на спящую пару. Они умерли, лежа в кровати, погребенные под обломками невоспетого счастья. На утро слуга, сдержанный на вид был повергнут в глубокое горе. Он любил хозяина с самых ранних его лет. Пережить утрату, слуга не смог. Он покончил с собой там же где когда-то хотел повеситься хозяин. И поговаривают, до сих пор, на развалинах каменного дома ровно в 6 утра можно услышать звоночек к завтраку. И призраки супругов вновь спешат отведать венских вафель и насладиться очередным днем друг с другом. Но потом

вспоминают, что мертвы, и могут лишь стонать и лить бесплотные слезы возле той, рухнувшей стены их счастья. – Роза закончила и поклонилась слушателям. Мозес в изумлении раскрыл рот.

– Но... Но... Мне Ицхак рассказывал совсем другую историю! Про ведьму, детей...

– Может потому, что он считает тебя глупым ребенком, вот и рассказывает глупые сказки?

– Да ты... Сама ты глупая! – Мозес оскалил ряд молочных зубов

– Большого ты не достоин!

– Моя история правдивая, а не твоя!

– Нет, моя!

Йозеф остался в стороне от спора. Он ни разу не был у легендарного антикварщика Ицхака, но слышал, что он рассказывает те истории, которых достоин пришедший.

– Так может, давайте проверим? – вмешался Йозеф. Спорщики замолчали и вопросительно посмотрели на него.

– Пойдем в развалины и посмотрим: дух ведьмы там, или призраки женатиков.

– Точно! Давайте проверим! – поддержала Роза.

– Вы хотите пойти в развалины?! Говорят, оттуда никто не возвращался! – запротестовал Мозес.

– Да чего уже только не говорили об этом месте! Зачем верить, если можно проверить! – сказала Роза.

– Сами идите, проверяйте!

– Ну ты и трусишка, – фыркнула Роза. Лицо старшего брата исказилось в гневе. Он терпеть не мог, когда его обзывают трусом, тем более если это говорила девчонка, тем более Роза.

– Кто я?! Ха! Да вы первые убежите оттуда, когда встретите дух ведьмы, если конечно сможете убежать! – выставив вперед грудь сказал Мозес. Он больше остальных верил в сказки Ицхака, а потому боялся по-настоящему, скрывая это за показной храбростью.

– Тогда завтра. Без пятнадцати шесть возле пустыря, – сказал Йозеф.

– Проследи за братом, чтобы не сбежал в Австрию, – Роза захихикала. Мозес одарил её яростным взглядом.

– И тогда, мы либо услышим звоночек слуги, либо увидим злую ведьму, – невозмутимо сказал Йозеф, словно охота на духов, часть ежедневных дел.

– Отлично! Я возьму бутерброды, – сказала Роза.

Братья попрощались с подругой, и пошли домой. Мозес еще долго думал, почему супруги из байки Розы, спустя время были счастливы только в кровати. «Наверное сон – главное счастье» – решил он.

***

Под ногой предательски скрипнула половая доска. Братья замерли. В утренней тишине любой звук превращался в невыносимый, щекочущий нервы шум. Приключение может закончиться так и не начавшись, если родители застанут детей за утренним побегом. Мальчишки переглянулись и кивнув друг другу, сошли с опасного места. Пол заскрипел, но никто не проснулся.

Встреча была назначена на пять сорок пять. Часов ни у кого из детей не было, но каждый знал, сколько времени занимает путь от дома до пустыря. Точно в срок показалась Роза. Она тащила массивный рюкзак, набитый неизвестно чем. Мозес метнулся к ней и настоял на помощи. Она приняла предложение и, скинув рюкзак на кавалера, побежала к Йозефу. Груз оказался еще тяжелее, чем выглядел. Мозес удивился, как девчонка смогла дотащить его сюда.

– Должно быть, там очень много бутербродов, – прошипел он ей вслед.

Каменный тротуар обрывался, утопая в сочной зелени. Трава была выше детей, и для них этот поход был словно экспедиция в джунгли. Не хватало только огромного мачете в руках, чтобы прорубать себе путь и крошить врагов. Мир уже проснулся: цветы раскрылись, под ногами бегали ящерики и ползали жуки. Это могла быть обычная прогулка, если бы в уме не засели мифы Ицхака. В каждом случайном шорохе дети искали связь со своей историей: Мозес о ведьме, а Роза про несчастную в своем счастье пару. Только Йозеф не ожидал увидеть что-то конкретное. Для него одинаково были возможно и невозможны обе истории. Но боялся встречи с потусторонним не меньше остальных.

Друзья блуждали по зарослям уже минут десять.

– Да мы заблудились! – воскликнул Мозес, но вдруг нога ударилась о кирпич. Еще один лежал неподалеку. А затем и целая каменная стена предстала перед детьми. Дыхание спёрло от интереса и страха. И они сделали шаг навстречу неизвестному.

Тонкая, нежная травинка, не щадя сил и времени пробилась сквозь древние руины благодаря упорству и невероятной тяге к свету. Подступы к дому были просто грудой сваленных в кучу камней, и ничего мистического дети пока не видели.

– И ничего страшного тут нет! – громко сказал Мозес тяжело дыша. Вес рюкзака давал о себе знать.

Вдруг из зарослей донесся голос. Смелость Мозеса покинула его. Послышалось негромкое «дзинь».

– Шесть утра! Это слуга зовет на завтрак мертвых хозяев, – прошептала Роза. Дети прижались друг к другу. Три пары глаз устремились на кусты, за которыми вопреки всему чернела густая тьма. Ветки угрожающе колыхнулись, а из черноты явилась рука и дети что есть сил, закричали.

– Да замолчите вы уже! – мужской голос перебил детей. – Это уже просто невыносимо!

Ребята по очереди замолчали. Перед ними стоял мужчина с неухоженной бородой и растрепанными волосами. Одежда его напоминала поношенную военную форму чем, в сущности, и являлась. Голос его был громким и убедительным, а глаза источали вселенскую тоску.

– Вы... призрак? – неуверенно спросила Роза. Незнакомец задумался.

– Да, скорее всего. Живой призрак.

– Да это просто бродяга! – сказал внезапно осмелевший Мозес. Роза и Йозеф одновременно ткнули ему в боки. Мозес замолчал.

– Вы здесь живете? – спросил Йозеф как можно дружелюбнее.

– Нет. Здесь я умираю.

– Вы от кого прячетесь?

– Если только, от своего прошлого, – ответил он.

– Может, просто расскажите нам? – спросила Роза. Кажется, разговор начал обретать смысл. Незнакомец улыбнулся, а потом и вовсе рассмеялся.

– Похоже, я совсем напугал бедных детишек! Немудрено, видок у меня тот еще, – сказал он и провел рукой по заросшему лицу.

– И ничего мы не испугались! – сказал Мозес.

– Ну, тогда, смельчаки, пойдёмте в лачугу, поведаю вам свою историю.

Дети замерли. Никто не решался сделать первый шаг.

– Ой, да ладно! – воскликнул Мозес и растолкал спутников. Йозеф с Розой переглянулись и последовали за ним.

Обитатель пустыря раздвинул ветки широкой ладонью. За ними оказался вход в уцелевший под натиском времени полуподвал. Толстые стены выложены из серых кирпичей, как и рассказывал Ицхак.

В помещении было на удивление уютно, но темно: не единого окна. Только через дверь, сквозь плотный занавес листьев просачивался свет. У стены стояло кресло, а на стене горела керосиновая лампа. На столике лежали книги.

– И как же вас сюда занесло в такую рань? – спросил незнакомец, присаживаясь в кресло. Дети поведали каждый свою версию от Ицхака.

– Просто детский лепет по сравнению с моей историей. Ведь она реальна, — сказал мужчина. Он пристально смотрел на рюкзак, который стоял возле Мозеса.

– Возможно, для начала у вас найдется что-нибудь поесть? – его глаза сверкнули, а живот заурчал. Несколько бутербродов завернутые в старые газеты разошлись по рукам. Комната погрузилась в молчаливо чавканье. Но раздав бутерброды, сумка едва ли стала легче. Мозес залез глубже, на самое дно и с удивлением, а затем и с яростью извлек три здоровенных кирпича. Роза рассмеялась, чуть не подавившись бутербродом с ливерной колбасой. Мозес сбросил кирпичи по комнате и обиженно принялся доедать бутерброд.

– Я знала, что ты кинешься мне помочь с сумкой, вот и решила немного подшутить! Видел бы ты своё лицо! – в перерыве между приступами смеха сказала Роза.

– Коварные женщины! – воскликнул мужчина с бородой, – Да, и накормили и повеселили, уже и не хочется возвращаться к своей истории. Но раз уж обещал. Меня зовут Эдвин, – не вставая, он отвесил поклон гостям. – Вы дети, наверное, слышали про большую войну? Она была еще до вашего рождения. – Ребята кивнули, отцы рассказывали про это. – Я ушел на фронт, как только закончил школу, совсем мальчишкой. Не удивляйтесь, но я совсем не старик. Мне двадцать семь лет. – Дети переглянулись. Борода старила Эдвина лет на двадцать. – Разумно спросить, зачем мне мальчику из небедной семьи с перспективой хорошего образования понадобилось идти на войну? – Эдвин окинул взглядом детей, но никто не высказал предположений. В повисшей тишине где-то совсем рядом застрекотал кузнечик. – Агитация, – сказал он, – беспрецедентная по своему масштабу агитация и пропаганда в школах, на улицах, в театрах, барах, везде

– А что это значит? – спросил Йозеф.

– О, вы не знаете... Счастливые. Это значит, что вам внушают выгодные кому-то, часто чуждые вам взгляды, но так умело, что со временем вы сами начинаете считать это своим мнением, совершенно забывая об этой ловкой подмене.

– Но как это получается? – спросила Роза.

– Бесконечным повторением! Громогласные речи по радио, военные парады, искаженные уроки истории, плакаты, листовки, всё чтобы забить умы! – на мгновение его глаза стали мутными как запотевшее стекло. Он смотрел словно сквозь все видимые предметы, но сделав пару глубоких вдохов, пришел в себя.

– Так и нам внушили, что война за родину не только долг, но и честь, бессмертная слава, незабываемое приключение, игра для настоящих мужчин! – сказал он и задумчиво смолк. Никто из детей не смел нарушить тишину.

– Мы только перестали играть в войнушку на улице, а уже играли в неё на полях сражений. В учебке прививали беспрекословно подчиняться даже самым идиотским приказам. Классика армии – десятки раз перестилать постель отнюдь не анекдот или выдумка. Но были и более изобретательные командиры... В первом же бою погибло половина новобранцев. Все те, с кем я провел последние несколько месяцев в учебке. Романтизм войны стал растворяться во многих смертях, вывернутых наизнанку телах стонущих от боли и молящих о пуле в лоб. Те новобранцы, что выжили, становились грубее и черствее. Ведь даже к смерти со временем привыкаешь.

– Так почему вы оказались здесь? – нетерпеливо спросил Мозес.

– Это эхо давно оконченной войны, но продолжающаяся в душах тысяч таких же, как я – неучтенных жертвах войны, – голос Эдвина дрогнул, а глаза снова стали мутными. – Моя

мать умерла, когда я еще был на фронте, а кроме неё, близких у меня нет. Большинство друзей погибло, а остальным было суждено вести жалкое существование человека-обрубка, без ног или рук, не имея возможности нормально трудиться, жить, любить. А никчемная пенсия не успевала за начавшейся вскоре инфляцией и многие те, кто не погиб на войне, убивали себя сами. Но это было еще не самое страшное. Еще большее безумие творилось за серыми стенами неприметных зданий за высоким забором. После войны я стал плохо спать, а в те редкие моменты, когда мне удавалось провалиться в долгожданный сон, я кричал. В уме воскрешались события войны и с тройной силой терзали меня. Соседи пару раз вызывали сначала полицию, потом врачей и в один прекрасный день меня просто заперли в одном из этих неприметных зданий – психбольнице, – от услышанного, дети вздрогнули. История стала приобретать черты страшных сказок Ицхака. Эдвин продолжил:

– С каждым днем, проведенным там, становилось только хуже. За стеной в соседней палате кричал нечеловеческим голосом бывший офицер; «Сорок второй! Артиллерия! Вызывая огонь на себя!» – других слов от него, я никогда не слышал. Атмосфера больницы всё больше сводила с ума, и однажды я просто сбежал оттуда. Естественно, меня искали. Дома оставаться было нельзя. Я похватал ценности и банковскую книжку с остатками денег матери. После того, как меня пару раз чуть не поймали на вокзале, я оставил идею покинуть Мюнхен. В очередном приступе бреда, не помня как, я забрел на пустырь и очнулся лежа посреди каменной комнаты. Тогда я впервые за долгое время спокойно спал. Снов не было совсем, только толща молчаливой тьмы и... спокойствие, такое долгожданное спокойствие, – Эдвин улыбнулся и блаженно развалился в кресле.

– Нелегко вам пришлось, – подвела итог Роза. Эдвин в ответ пожал плечами.

– Мы потерянное поколение. Все взрослые сейчас, это покалеченные войной дети. У нас не было юности, мы слишком быстро очерствели, – Эдвин поник головой, но вдруг улыбнувшись, сказал: – Но вы, ваше поколение, не знавшее войны, и дикой инфляции, живущее во времена становления в Германии демократии, возможно, будете самым счастливым и мудрым поколением за всю историю, и никогда не познаете ужасов войны! – лицо Эдвина просияло, но это продлилось не долго.

– Глупости! – неожиданно сказал Мозес – Мой папа тоже был на войне, но не забился в глубокую щель, трясясь от страха! Ведь он, – Мозес набрал полную грудь воздуха и гордо сказал, – национал-социалист!

– Есть и такие, – ничуть не удивившись, спокойно ответил Эдвин. – Пережив войну, многое начинает казаться мелочным и недостойным внимания, а незнание, что дальше делать со своей жизнью приводит многих в партии. Готов поспорить, твой отец пошел на войну таким же юнцом, что и я. А в семнадцать лет, в жизни еще нет серьезных ориентиров, профессии, привязанностей. И тут, когда жизнь только начинает играть полнотой красок, нас вырывают на фронт, делают из молодых, резвых умов солдафонов, шагающих в строй, умирающих тысячами легко заменяемых такими же, как и бесчисленные орды до тебя. А те, кто возвращаются, не знают, как жить в мирное время – вся их жизнь осталась там, на полях сражений. Но тогда появляется те, кто знает, что тебе делать, куда пристроить твою потерянную жизнь. И всё ведь так знакомо! Как в армии! Выполняй приказы и получай жалование, а вечером можешь сходить в пивную и никаких тебе минометных обстрелов и сна в сырых окопах. Просто мечта для того, кто вырос на войне! И под гремящие речи своих лидеров они упиваются чувством собственного достоинства, важности своего дела! «Возрождение Германии!» – кричат они. Не имея и малейшего понятия о том, кто стоит за всем этим, кто спонсирует их парады, транспаранты, выступления и какие цели преследует.

– А Вы что ли знаете? – раздраженно спросил Мозес.

– Конкретно нет, но уверен, что всё на самом деле не так, как преподносят это массе. Она с трудом воспринимает правду, ей нужна сладкая сказка, зажигательные ораторы, красивые

парады! Что ей до истины! – Эдвин тяжело задышал, как после пробежки. Он совсем забыл, что разговаривает с семилетними детьми. «Разве должно их интересовать всё это?» – задавался неммым вопросом Эдвин – «О чем думал я в этом возрасте?» – но вспомнить, он не мог, словно эта была жизнь совершенно другого человека.

Стрелки старых часов на тумбе подобрались к семи. Йозеф вскочил с пола.

– Скоро проснутся родители! – воскликнул он. – Извините, но нам пора, мы еще обязательно к вам зайдем!

– Или нет, – добавил Мозес. Брат и Роза искоса поглядели на него.

– До свидания! Я принесу вам еще бутербродов! – сказала Роза, и дети помчались по домам. Братьям следовало скорее лечь в кровати и исполнить роль послушных детей.

Когда они ушли, Эдвин достал сигарету и закурил.

5.

Всего неделя оставалась до начала учебного года. Последнее приключение лета было уже позади, и троица исследователей не зная, чем себя занять, лениво лежала на траве перед домом Мердеров. Облака причудливых форм проплывали перед устремленными ввысь глазами, и каждый видел что-то своё. Иногда двое видели одно и то же, а третий, не находя, яростно негодовал по этому поводу.

– Да вот же! Вот смотри это коза! – воскликнул Йозеф.

– Где? Не вижу! – Мозес торопливо прочесывал взглядом небо.

– Разувай глаза! Вон коза! – Роза засмеялась.

– Нет там никакой козы... – пробурчал под нос Мозес.

Обидевшись, он замолчал, а облака всё так же равнодушно плыли по синему куполу, меняли форму, растворялись, не волнуясь о том, что веками происходит на земле. Но вскоре Мозеса посетил коварный план.

– Ого! Йозеф, это никак иначе, как твоё лицо! – сказал он и ткнул пальцем в высь. Брат оживился.

– Где? Покажи! Не вижу! – негодовал Йозеф.

– Да вот же! Вот! – твердил Мозес, показывая на случайные облака.

– Я тоже не вижу – сказала Роза.

– Разувай глаза! – передразнивал подругу Мозес. – Эх вы, невнимательные! – он растянул рот в довольной улыбке – Всё, уже ветром раздуло.

– Врешь ты, не было никакого лица, – сурово сказала Роза.

– Ваши проблемы, если фантазии нет!

Дети лениво лежали, наблюдая за ускользящим летом, но вдруг Роза повернулась и дернула за рукав Йозефа и подмигнула.

– О боже! – воскликнула Роза. – Посмотрите на то облако, это же сам Адольф Гитлер!

– Что? Где? – искренне удивился Йозеф, но получил пинок в бедро, – А, да точно, похож! – едва сдерживая смех, сказал он.

– Где?! – истерично завопил Мозес.

– Смотри, смотри вон же! У него от ветра рот открывается, как будто говорит! – сочиняла Роза, а ярый фанат зажигательных речей фюрера искал в небе его лик.

– Где... где... – растерянно повторял Мозес. – Стойте! Вижу! Точно, как похож! – радостно закричал он.

Роза не выдержала. Следующим сломался Йозеф и присоединился к веселью. Они катались по земле, хватаясь за животы. Одежда покрылась зелеными пятнами от травы, что сулило выговор от матерей, но сейчас, это было не важно. Мозес понял, что над ним подшутили. Он вскочил с травы и обиженно фыркнул.

– Да ну вас!

***

– Не знал, что этот Ицхак живет так близко, – сказал Йозеф, поворачивая на Г*** штрассе вместе с Розой.

– Некоторые вещи, что так упорно ищешь, ближе, чем думаешь, – ответила она и как будто случайно задела своей рукой его.

– А? Знаешь, мне представляется каменная башня где-то посреди леса, старик в черной рясе и седой бородой рассказывающий свои ужасные истории.

– Насчет бороды угадал, а в остальном, ты словно ребенок.

– Мне семь лет.

– А как будто бы три, – сказала Роза. Оставшуюся часть пути они прошли молча.

Стеклянная дверь в металлической оправе распахнувшись ударила в колокольчик. Звон разнесся по безлюдному антикварному магазину, оповещая хозяина о приходе гостей. Из подсобной комнаты послышалась возня и грохот.

– Минуту! – донесся голос.

В ожидании Йозеф принялся разглядывать магазин. Стекло витрин было толщиной в палец. В блестящей оправе и замками напоминали они хрустальные гробы. Тут были и драгоценности, и предметы старины о назначении которых с трудом мог догадаться ребенок. Но выбивался из стройного ряда позолоченных вещей обыкновенный лист бумаги с корявым почерком и уже выцветавшими чернилами – письмо. Оно лежало на подставке в отдельном стеклянном ящике. Йозеф пока еще плохо читал и не смог разобрать написанного.

– У каждой вещи, есть своя история, – послышался голос за спиной Йозефа. Он обернулся. Перед ним стоял высокий седовласый старец с пышной серебряной бородой, как в его фантазиях о колдуне. Только вместо черной рясы, на пожилом мужчине был дорогой костюм.

– И какая же история у... – Йозеф оглянулся по сторонам, – у этой пишущей машинки? – он указал пальцем на потрепанную временем и отстучавшую не одну тысячу страниц машинку Royal.

– Отличный выбор, – улыбнулся владелец. – Принес мне её один корреспондент. Он работал в местной газете, писал о мелких событиях, стычках и людях. Когда началась война освещал новости с фронта для тыла, и новости тыла для фронта. Я лично читал многие из его статей, талантливо писал парень.

– А сейчас не пишет? Почему?

– После войны, – голос Ицхака стал менее жизнерадостным, – корреспондент переосмыслил всё то, о чем он писал. Ему стало стыдно за свою работу.

– Почему же?

– Он работал на государственную прессу. Это были не настоящие новости. Однобоко освещенные события, имеющие с реальностью общего поскольку-постольку. Во время войны корреспондент убеждал себя, что это даже правильно: при помощи лжи не дать окончательно пасть духом солдатам на фронте и их матерям в тылу. Но однажды его посетила мысль, что на таких как он, не только в Германии, но и в странах противника и держится война. Ведь что будет если не указывать человеку на то, что это твой враг, а это друг, что именно ты убиваешь за правое дело, а противник абсолютное зло? Тогда не будет войны, а она, видимо, кому-то нужна.

– Кому же? – искренне надеясь услышать имена, спросил Йозеф.

– Например промышленникам, чтобы иметь спрос на продукцию, или генералам, ради венцов победы, славы и правителям. Ведь каждый власть имущий, в любой стране хочет оставить о себе след в истории и не так важно, будет это светлая эпоха просвещения или страница,

написанная кровью, – сказал Ицхак и замолчал. Йозеф задумался, почесал голову с копной светлых волос и сказал:

– Так может, пусть все эти промышленники, генералы, правители, выходят на арену, и решают свои вопросы сами, кулаками? А люди пускай смотрят, как в цирке, нас мама недавно водила! Кто выживет – тому победа и слава.

Ицхак рассмеялся.

– Да, так справедливее. Среди солдат ходила подобная байка, но это, конечно же было не для фронтовых газет.

– А машинка то, машинка как у вас оказалась? – вмешалась Роза.

– Он сам заложил её в ломбард. Избавился как от символа всей лжи, которую написал, – сухо ответил он.

– А еще вот этот листок... – начал Йозеф, но Ицхак его прервал.

– Не более одной истории в день, иначе вы просто разорите старика, и перестанете приходить, – сказал он улыбувшись.

– Вы всегда можете что-нибудь сочинить! У вас богатая фантазия! —подбодривала его Роза.

– Все мои истории чистая правда, – сказал Ицхак и подмигнул.

Они попрощались. Йозеф обернулся, чтобы еще раз взглянуть на письмо. Теперь он был намерен поскорее научиться хорошо читать, чтобы разгадать эту тайну. Колокольчик над дверью зазвенел, прощаясь с гостями.

Когда Ицхак остался один, он присел за стойку возле кассы, и обрушил голову на ладони. «Я видел страх, боль, ужас. Сотни тысяч бессмысленных смертей. И после этого писал о чести, доблести и героизме, призывая остальных вступить в ряды самоубийц», – вспоминал Ицхак. Он не сказал детям правду о себе. За свою машинку он назначил слишком высокую цену, чтобы её кто-нибудь купил.

6.

Сегодня был особенный день для Вилланда Мердера. Как он сам его называл – «второй день рождения». Два события промежутком в неделю неразрывно связанные – пробуждение после комы и вступление в НСДАП.

Стол изобиловал блюдами, свидетельствуя о том, что дела у семьи идут неплохо. В дверь постучали. Не ожидая, когда хозяин отворит, гости сами вошли в помещение, стянув с ужасным скрипом сапоги.

Отто и Генрих – давние товарищи Вилла. Каждый год они приходили в дом праздновать это необычное торжество, вполне обычным способом. Бутылки с вином опустошались, обнажая души присутствующих. От курицы оставался один только скелет, а песни лились, как и алкоголь. Они обсуждали мир и войну, жизнь и смерть, радость и горе. Младший из них, Отто, отрастил усы, и громче всех выступал за борьбу с мировым еврейством, порой икая от вина. Вилл и Генрих не упускали момента подшутить над молодым борцом, не видавшего серьезных передраг, но всё же, уважали и ценили его как товарища.

Генрих – старший в компании, был более суров и разборчив в словах. О серьезных вещах говорил обдуманно, но если шутил, то самозабвенно и умело. Этому он научился на войне, где без юмора, он, как и многие сошел бы с ума. Но смеясь над проблемами, маленькими и не очень, он сохранил рассудительность пронеся сквозь года.

Товарищи болтали о насущном: изменения распорядка службы, последнем выступлении фюрера, о близкой победе партии в рейхстаге. Братья Мердеры не могли оставить без внимания веселую компанию, а те в свою очередь не упускали возможности пообщаться с молодым поколением. Ведь даже Отто чувствовал себя с ними не таким уж сопляком.

– Когда уже папка запишет вас в гитлерюгенд, бойцы? – спросил Отто покрасневший от вина.

– Там с десяти лет приём, – напомнил Генрих.

– Да ты погляди, какие быки, уже можно брать!

– Точно. И тебя как раз туда запишем, Отто, – Генрих и Вилл рассмеялись, а младший сослуживец что-то обиженно пробурчал. Они всё подтрунивали над его возрастом, однако ему уже исполнилось двадцать пять лет, и скоро он должен был жениться. Но для товарищей он навсегда останется семнадцатилетним юнцом, почему-то решившим вступить в НСДАП вместо того, чтобы бегать за юбками, пока кровь горяча, а голова пуста.

Компания уже прилично набралась. Отто облокотился на ладонь, прибывая в полудреме, а Вилл с Генрихом придалось ностальгии о довоенных временах и войне. Спорили, где было труднее, на западном или восточном фронте.

– Да когда Россия сдалась, и вы почивали на лаврах, мы здесь отбивались от французов, англичан, даже американцев, – сказал Вилл, заводясь.

– Но те годы, что мы воевали там, были труднее. Восточная Европа – кошмарное место, – безапелляционно заявил Генрих. Разразился спор.

Йозеф из гостиной услышал разговор отца с гостем. Слишком часто за последнее время ему на слух попадались истории о войне. Он бросил попытки развить скорочтение, оставил книгу и направился на кухню.

Дядьки не сразу заметили Йозефа, и продолжали грязно ругаться. Детский ум быстро выпитал пару новых слов, не понимая пока их значения. Вилланд пнул Генриха ногой под столом и указал взглядом на сына. Они замолчали.

– Как вы относитесь к войне? – неожиданно для взрослых спросил с искренним интересом ребенок. Генрих почесал затылок, думая с чего начать. Он вопросительно посмотрел на Вилла, тот одобрительно кивнул.

– Война – это страшно, трудно, – всё это Йозеф уже слышал, – но она необходима, – сказал Генрих. «Что-то новенькое» – подумал ребенок.

– Почему?

– Потому что так устроена природа, а человек её часть. Сильный пожирает слабого, и выживает тот, кто может приспособиться к быстро меняющимся условиям. Так же у людей – сильнейшая нация должна править теми, кто слабее. И война, это естественный отбор. В ней решается, кто достоин, а кто оказался слаб и сгинет, чтобы больше не засорять землю своим никчемным потомством, – глаза Генриха покраснели, похоже, начали лопаться капилляры.

– Но мы же проиграли в Мировой Войне, получается мы слабее? – задал Йозеф вполне логичный вопрос.

– Нас предали! – завопил очнувшийся Отто.

– Кто? – робко спросил Йозеф.

– Известно кто! Пробравшиеся во власть коммунисты, евреи! Продажные скоты! – он начал впадать в истерику. – Предатели! – Генрих отвесил ему оплеуху по затылку, Отто пришел в себя.

– Мы все прекрасно это помним, Отто. Да, это было так, – сказал он, обращаясь к Йозефу, – но однажды, когда правительство будет очищено от всех врагов, мы восстановим историческую справедливость, – он встал, слегка пошатываясь. – Немцы вернут былое величие! Слава Победе! – воскликнул он, вскидывая руку.

– Слава Победе! – повторил высокий детский голос. Йозеф обернулся. В дверях стоял Мозес в голубой пижаме и тянул вверх руку. Он восхищенно смотрел на Генриха возбужденный его речью. Новоявленный оратор рассмеялся и наконец, присел, проверив осталась ли в бутылке еще вино.

– Так, марш спать. Оба, – сурово сказал отец. Дети покорно отправились по комнатам. Поднявшись на второй этаж, братья показали друг другу языки и после молчаливого оскорбления разбежались по комнатам.

7.

Прогремел звонок, сгоняя детей в классы. Движение неугомонной толпы школьников стало более упорядоченным: каждый бежал со своей компанией в свой класс. В отточенном механизме школы вносили сбой только первоклашки, оставленные на мгновение преподавателем, и еще не понимающие, что значит эта истерия.

Напролом потока школьников пробивался молодой учитель, ответственный за самых маленьких – Херман Херман. Своим именем, созвучным с фамилией он часто вызывал невольный смешок окружающих, особенно, когда к нему обращались Гер Херман Херман. Он был очень образован и даже немного умен. Но учитель особенно не старался мыслить за рамки того, чему его когда-то научили родители и школа. Хермана вполне устраивало, что косинус тридцати равен корень из трех деленный на два, а восприятие реальности непоколебимо, всё остальное же, думал он – психические расстройства. Его смело можно назвать образцовым гражданином: при всех его полезных для общества знаниях он не задавался вопросами сверх нужного и внушал такую же политику в неокрепшие детские умы, еще умеющие задавать неудобные, неправильные вопросы. А он – человек-энциклопедия: все знания уже были высечены в его уме словно на каменной скрижали много лет назад без возможности исправления и редакции.

Херман Херман пробился к назначенному классу. Коридор уже почти опустел и только пара третьеклассников, спешили на занятия. Учитель окинул взглядом новеньких, и повел их за собой в классную комнату, держа в одной руке большой, еще пустой журнал, а другой ритмично размахивал точно маятник.

Началась долгая процедура сортировки по алфавиту. Детей рассаживали по порядку фамилий один за другим. Первым оказался Максимилиан Беккер, сын пекаря. Братьев Мердер посадили ровно посередине класса, но на разных партах. Однако перед этим разгорелся спор: кто из них должен быть ближе к началу. Мозес атаковал тем, что он старше, значит должен сидеть первее, а Йозеф парировал удар, тыча пальцем в алфавит над доской, где заглавная буква его имени гордо стояла на три позиции выше, чем М. Херман Херман встал на сторону Йозефа. Потерпевшего поражение брата посадили с каким-то Нойманом.

Сортировка окончена. Учитель с удовольствием посмотрел на установленный порядок и заявил, что на ближайшие годы это их законные места.

Первый урок оказался просто вводным инструктажем для маленьких разбойников. Учитель объяснил, как вести себя в школе, что ученики обязаны делать, а что запрещено, дабы родителям не пришлось посещать директора, а детским задницам краснеть от ударов отцовского ремня.

Тишина в классе сохранялась еще пока только местами. Херман Херман уже понял, с кем ему придется бороться в ближайшие годы, а кто станет тихим, примерным учеником. С портретов на стене безмолвно наблюдали за очередным витком жизни Иммануил Кант, Иоганн Гёте, Фридрих Ницше и еще трое знакомые даже не всем преподавателям великие умы, навеки застывшие в задумчивом взгляде.

8.

– Мартин Мердер – произнес учитель во время переклички.

В ответ молчание. Мозес получил пинок с соседней парты – это брат напоминает ему, что по документам он Мартин.

– Здесь!

В классе его всё знали под этим именем. И он был даже рад этому. Сомнительным именем его называла только мама, реже брат. Но не прошло и полугода учебы, как страшная тайна Мозеса просочилась в школу и прокатилась едкими слухами о нем.

– А имя то у тебя жидовское! – смеясь, сказал Макс Беккер. Мозеса задели за живое. На днях за братьями приходила мать и как обычно звала старшего сына по его библейскому имени. В тот момент он готов был провалиться на нижний этаж школы, только бы не видеть удивленный взгляд одноклассников и осуждающее лицо Макса, который за эти месяцы стал его единомышленником во многих вопросах.

– Это... Это просто мама меня так называет, по документам я Мартин! – Мозес старался оправдаться перед гогочущей толпой, но они не слышали.

– А ведь неспроста тебя посадили за одну парту с Аароном Нойманном! Гляди-ка, вы даже похожи! Точно одной расы! – Последняя капля прорвала тонкую стену терпения. Мозес – он же Мартин и без того был взбешен, что волей алфавита, Нойманн, еврейский мальчик оказался с ним за одной партой. А теперь его еще и сравнили с ним, с тем, кого его больше всего учили ненавидеть дядьки на парадах, радио и даже отец.

– Я Мартин! Мартин! – доказывал он, смотря на красное от смеха лицо Макса, и злился, но не на него. Из-за угла коридора появился Нойманн со стопкой книг в руках. Мозес нашел виновного. Осталась только подождать, когда жертва сама явится на казнь.

Книги разлетелись по коридору и со шлепком приземлялись на холодный пол. Одна книга раскрылась, и на неё брызнула алая кровь. Кулак Мозеса угодил прямо в нос ничего не подозревавшего Нойманна. Смех стих, Мозес добился своего. Мимо проходила Роза и помогла встать Нойманну. Она училась в классе для девочек и не так часто пересекалась с Мердерами.

– Дурак! – воскликнула она. С Нойманном она не была знакома. Не знала и то, что он еврей. Она помогла ему встать, просто как человеку, которому это было сейчас необходимо. Роза повела его в медпункт, оставив мальчишек с их спорами.

– Сама такая! – с опозданием выкрикнул Мозес, когда подруга уже скрылась за углом. Он обернулся к одноклассникам. Похоже, он был прощен за своё имя. Макс удовлетворенно покачал головой.

– Увидимся, Мартин, – сказал Беккер.

Йозеф никак не прокомментировал действий брата. Но они оба прекрасно понимали, что очень скоро будет неудобный разговор в кабинете директора. Так уже завелось, что если один брат нашалит, расплачиваться приходилось обоим.

Прозвенел звонок и дети расселись по своим местам. Мозес как царь расселся на оба стула и гордо запрокинул голову. Сейчас у него было отличное настроение. Ведь теперь он – Мартин.

9.

Гер Херман Херман ходил между рядами парт с величественным видом наставника. Он любил свою работу, будучи уверенный в её исключительной важности. Особенно сейчас, ибо сегодня первая контрольная работа первоклашек по немецкому языку. А уже завтра они уходят на рождественские каникулы. И в его власти решать – кто с чистой совестью уйдет на праздники, а кому оправдываться перед родителями за неудачу. И ему нравилась эта маленькая власть. К его счастью, едва достигнув двенадцати лет, уже осмелевшие ученики покидали начальные классы, освобождая место очередным не ведающим жизни малышам. Такой круговорот нравился Херману Херману и позволял постоянно чувствовать своё превосходство. Особенно оценил он своё место, после того как заменял заболевшего учителя математики у старших классов. Шоком была даже не учебная программа, избоблюющая замысловатыми сим-

волами и формулами, которые он уже начал забывать, а ученики. Херман Херман был старше их не больше чем на восемь лет, но эта молодежь была крупной, деловитой и наглой. Складывалось впечатление, что учитель младше учеников. У бывших мальчиков уже полезли усы и жажда самоутверждения, а у девочек при вздохе вздымались пышные груди, словно вершины гор. Некоторые ученицы даже подмигивали молодому красавчику учителю. Работать, а тем более безнаказанно командовать в такой обстановке вседозволенности и неуважения было невозможно. И Херман Херман слезно выпросил у руководства вернуться на прежнее место. Желание было исполнено, ведь все знали, что он хорошо справляется с детьми.

Херман произнес следующее слово. Ученики должны были правильно его записать, никуда не подглядывая. Самостоятельно писали не больше пяти человек в классе, остальные по запутанной цепочке переписывали у друг у друга, в конце концов, совершая ошибку там, где изначально её не было. Йозеф, имея великую цель сам запомнил все слова, хотя это было ему не особо интересно. Часто учитель не мог дать ответ, почему слово пишется именно так, а не эдак. «Просто потому, что так правильно» – не удовлетворяло Йозефа, поэтому он не очень любил уроки немецкого языка. Природоведение и азы математики – вот что ему сейчас казалось интересным.

– Время вышло! – сказал учитель. Кто-то в спешке переписывал оставшиеся слова, а меньшинство уже протянули лист на сдачу. Один из первых сдал Мартин, преуспевающий по всем предметам, однако никто не считал его зубрилой благодаря хулиганским выходкам. Он был доволен своим положением в обществе и всё так же сидел развалившийся на два стула. Нойманн в этой школе больше не учился.

Йозеф закинул школьную сумку через забор в свой двор. Она мягко приземлилась на тонкий слой снега. Сейчас не стоило показываться дома. Пусть родители думают, что он еще в школе с Мартином. В этом году, у Йозефа было еще одно незавершенное дело.

Проходя быстрым шагом по замершему городу, ребенок несколько раз чуть не упал. Но на каждой дорожке льда он проносился, скользя словно фигурист. А когда земля под ногами опять становилась мягкой и снежной, его лицо принимало серьезный вид спешащего на встречу дельца.

На двери висел рождественский венок, напоминая входящим о праздничных скидках. Колокольчики над дверью зазвенели сегодня по-особенному, под стать предпраздничной суете.

В магазине крутилось несколько покупателей. Двое пристально рассматривали товар за стеклом. Один из них постоянно поправлял спадающие с носа пенсне. У прилавка Ицхак беседовал с еще одним клиентом. Он не покупал, а что-то пытался подороже заложить. Его голос внезапно перешел на высокие тона, но Ицхак оставался невозмутим. Он умел работать и с такими клиентами. Двое у витрин возмущенно обернулись.

– Молодой человек! – мужчина сурово поправил пенсне, глядя в глаза нарушителю спокойствия, – вы здесь не одни!

– Как не кричать, если меня грабят! – сказал он, раскинув в стороны руки. Покупатели вопросительно посмотрели на него.

– За те деньги, что здесь дают за вещи... – Йозеф потерял интерес к разговору и принялся искать заветное письмо.

Здесь он не был уже несколько месяцев. Обстановка слегка сменилась, витрины с центра заняли место, отведенное для раритетной мебели, а все вещи оказались разложены совсем не так, как раньше. Посреди магазина красовалась нарядная ёлка с сияющей звездой на зеленой макушке. Всё это сбивало с толку Йозефа. Он пришел с четкой целью, готовился к этому не один месяц, специально читая тексты, написанные от руки и совершенствуя свой почерк. И когда всё было готово к решающему бою, противник подло скрылся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.